

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

МИР АНДРЕЯ КРУЗА. ЗЕМЛЯ ЛИШНИХ

ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ
TERRA NOVA.
СТРОГО НА ЮГ

Annotation

Главное, чем привлекает Новая Земля, — это свобода. И ею люди распоряжаются по-разному: для одних это возможность работать на своей ферме, для других — возможность исследовать новые территории. Но есть и те, для кого свобода — это отсутствие законов и тех, кто их защищает, свобода поступать со своими близкими так, как они не успели поступить с тобой. И в Нью-Рино (так уж получилось) тянется в основном третья категория...

Свободная территория Невада и Аризона, Нью-Рино, Фримонт, бульвар Александра Второго, концертно-выставочный зал «Стесихора»

Широкоплечий, красномордый (надеюсь, от солнца?) бородач вышел на трибуну и солидно, басовито откашлялся.

— Добрый день, уважаемые участники нашей конференции. Для начала представлюсь, кто меня не знает, — Глеб Больших...

По залу пронеслись смешки, на которые бородач отреагировал добродушной улыбкой.

— ...Предприниматель, занимаюсь строительством и управлением недвижимостью. Не только во Фримонте — по всему Нью-Рино. Во все подробности своей внутренней бухгалтерской кухни я вас посвящать, уж простите, не буду, скажу только, что за прошлый год построил более семи тысяч квадратных метров жилой недвижимости и почти три с половиной тысячи — коммерческой.

Народ вокруг уважительно перешептывается, а я вот как-то, так сразу, ни в какие зримые образы эти тысячи квадратов перевести не могу. Много это или мало? Ну, достаточно, наверное, раз подается публике как достижение.

— Спросите, зачем, если все и так неплохо, я задумался о переселении на Дальний Юг? Отвечаю — потому что я амбициозен. Как и всякий нормальный человек. Мне мало быть одним из многих неплохо устроившихся в жизни — я хочу развиваться, хочу создать бизнес, который станет основой семейной династии и просуществует лет сто. А лучше — двести.

По залу опять пробежали смешки, на которые здоровяк ничуть не обиделся.

— Поднимите, пожалуйста, руки, кто знает, что такое «старые деньги»^[1]. Не стесняемся, поднимаем.

Поднимают почти все, включая меня, разумеется. Ишь, какой образованный у нас народ пошел.

Бородатый здоровяк пару раз одобрительно кивнул:

— Отлично. Так вот, я хочу, чтобы мои дети (а у меня их пятеро, между прочим), и их дети, и дети их детей относились к этим самым «старым деньгам». Возможно ли это здесь? Ну... в принципе да. Не факт, конечно, но вполне вероятно, если бизнес и дальше будет хорошо идти. Это очень трудно — все хорошие места давно заняты теми, кто пришел сюда первым. Вы и сами это знаете не хуже меня. Лучшие земли, лучшие места в городе, давние связи в Семьях, банках, Сенате — все это у тех, кто пришел сюда первым. И это не мы.

Согласное бормотание, кивки.

— Впрочем, я хороший бизнесмен и, наверное, если буду очень много работать и еще мне чуть-чуть повезет — смогу вылезти на самый верх. Но вы не поверите — я жадный!

Смешки, добродушные выкрики: «Поверим!»

— Мне этого мало! Я еще хочу, чтобы мои дети и их дети оставались русскими и росли в русской культуре. Возможно ли это здесь?

Глеб сделал драматическую паузу, призывно протянув руки к аудитории, дождался секунду и театрально опустил их, всем своим видом излучая грусть и разочарование. Артист, хе-хе.

— Нет. Не будем себя обманывать: это невозможно. Да, сейчас наши дети говорят по-русски, но точно так же говорили на родных языках дети всех иммигрантов во все времена —

немцев в Висконсине и Техасе, итальянцев в Нью-Йорке и Аргентине, поляков в Бразилии и Канаде, прочих... и наших, русских людей, во всех этих и многих других местах. Что осталось сейчас? В лучшем случае фамилии и старые семейные фотографии, которые новому поколению не нужны и не интересны. Язык бизнеса и администрирования, язык прессы и высшего образования *неизбежно* станет родным языком для наших детей и внуков. А с *настоящим* родным языком уйдет и все остальное. Вспомните — еще три года назад улицы Фримонта сразу выделялись на фоне какого-нибудь Спрингфилда или Баррьо-Бронсе...

Смешки; кто-то крикнул: «От Баррьо-Бронсе и сейчас отличаемся!» Ну, смотря от какой его части. Преимущественно латиноамериканский таун, Баррьо-Бронсе весьма разнообразен, там каждый квартал не похож на соседний. Что по национальному колориту, что по уровню достатка. Наш сосед на западе Спрингфилд — обычный район, без каких-либо резко выделяющихся черт. Уровень достатка — средний и выше среднего, примерно как во Фримонте, основное население — белые американцы, канадцы, европейцы.

— Тротуары, скверы — все, чтобы было удобно гулять и вообще ходить пешком. А теперь посмотрите на новые улицы, которые сейчас застраивают — там и пройтись-то негде, кроме как по обочине. Все для автомобилей, как в Америке. От Спрингфилда не отличишь, даже половина вывесок уже на английском.

Вот это они зря. Пешком погулять я люблю.

— В школе ругались недавно, сейчас родительский комитет собираем — детям в столовой на обед гамбургеры пихают! Вместо нормальной еды! Спрашиваешь: «Зачем?» — а они в ответ: «А что такого, во всем городе их дают».

И это тоже зря. Не фиг детей травить всякой гадостью.

— Понятно, что по отдельности все это — мелочи. Но вместе такие мелочи складываются в то, что называется «образ жизни». И мне нравится русский образ жизни — с пельменями, прогулками и русским языком. Я сам русский и хочу, чтобы мои дети и внуки тоже были русскими.

Кто-то выкрикнул с места: «В Новороссии останутся!» Глеб криво ухмыльнулся:

— Русскими — да, останутся. Но максимум, что там может получиться — «рабочая династия». А чего я для своих детей хочу — уже сказал. И в Новороссии этого добиться нельзя. Да о чем тут говорить, если у них даже работника нанять нельзя, и фермерам земля не принадлежит — приходится у государства в аренду брать. Нет, спасибо — нечего мне там делать. А вот там, на Дальнем Юге, там первыми будем *мы*.

Оратор четко поднял и выделил голосом это «мы», как бы приглашая всех присутствующих стать членами некоего тайного общества. Умеет чувак речи толкать, ничего не скажешь. Я даже не столько о содержании сейчас говорю, сколько о голосе и манерах.

— Мы возьмем себе лучшие земли, мы создадим первые банки, суды и управы, мы установим свои законы, мы будем хозяевами всего. Мы станем основателями нового анклава, и наши потомки будут его элитой.

Заманчиво чешет, м-дя. У каждого третьего уже чуть ли не слюна капает. Нет, картинка и правда завлекательная, ничего не скажешь. Но вот сколько людей уже попадалось на такие заманчивые перспективы, отдавая все сбережения... Много, хе-хе. И что-то меня не тянет пополнить их ряды. Впрочем, надо будет об этом Глебе Больших узнать поподробнее.

— Все. Я еще выступлю, когда мы перейдем к практическим, организационным вопросам. А пока что передаю слово Сергею Егоровичу Курганову, известному русскому

писателю, театральному режиссеру и профессору Университета Нью-Рино.

На этом моменте я решил сделать небольшую паузу, вызванную чисто физиологическими причинами — пиво и полугар отчаянно просились наружу. Бормоча извинения и стараясь не наступать никому на ноги, быстро пробираюсь к выходу из зала. Вроде где-то слева туалет видел, когда заходил... ага, вот он.

Вернувшись обратно через пару минут, вновь пробираюсь на свое место, сопровождаемый явно раздраженными взглядами. Ну а что? Не я такой, жизнь такая. И вообще, не отвлекайтесь, граждане, за трибуной уже новый оратор витийствует.

— ...без создания своего национального очага русский народ на Новой Земле будет обречен на ассимиляцию и исчезновение! Обрече-о-он!..

Патлатый мужичонка интеллигентного вида потряс в воздухе кулачком, подчеркивая последнее слово. Что-то это тело меня раздражает прямо с первой минуты, выступавший до него был куда адекватнее.

Вышеупомянутый предшественник, сидящий в президиуме, недовольно поморщился и посмотрел на часы, после чего печально вздохнул. Видимо, времени для выступления у «патлатого» интеллигента (забыл, как там его представили) еще много. Слушатели в зале оказались менее терпеливыми.

— Ну а Новороссия вам чем не «национальный очаг»? — ехидный выкрик с места.

Вполне по делу, кстати. Насколько скептически я бы ни относился к перспективам тамошней экономической модели, уж в чем в чем, а в русском национализме Демидовску не откажешь.

«Патлатого» слегка перекосило в морде лица:

— Там воспитывают не русских, а советских! Советский не может быть русским! И вы это сами понимаете, иначе жили бы...

Ну вот, «Остапа понесло». Зачем смешивать мух с котлетами? Да, живут там люди, которым нравится социализм. Становятся ли они от одного этого факта нерусскими? Нет, разумеется, с чего бы. Многонационалки там нет и в помине, насколько я понимаю. Ни национальных автономий, ни «людей со светлыми лицами и хорошими генами» во главе всего и вся, ни «дружбы шестисот шестидесяти шести равноправных народов». Да и вообще, у них в конституции написано, что Новороссия является национальным государством русского народа. Я не поленился, прочитал. Так что, имхо, «патлатый» наводит тень на плетень и только отпугивает своей неадекватностью потенциальных переселенцев. Ну или наоборот — потенциальных жертв очередной аферы, и тогда он молодец. Я пока не разобрался, что эта затея из себя представляет.

— ...возрождение русской культуры...

Э-хе-хех... Кто-нибудь, отберите у него микрофон и передайте адекватному человеку. Какое, на хрен, «возрождение культуры» в маленькой колонии у черта на куличках? Максимум хоровое пение на попойке в честь сбора урожая. На культуру, гражданин выступающий, денежка нужна, выделяемая из прибавочного продукта. Что, в свою очередь, требует какой-никакой экономики. Играли бы вы в «Цивилизацию» в свое время — знали бы.

Что там, кстати, товарищ троцкист делает? А то заслушался я что-то, забыл о нем. Кошусь направо. Сидит, голубчик, слушает «патлатого» со скучающей миной на лице. Ну тут я с ним солидарен. Первый оратор был поинтереснее.

— ...постепенно утрачивается. Наши дети уже больше говорят между собой на

английском, чем на русском...

Хм, не знаю, не знаю. У нас вот во дворе детвора только на русском визжит, английского ни разу не слышал. Ну посылают кое-куда на англише периодически, но это не считается. Греческий доносится, временами — в первом подъезде живет одна семья, там мамаша вечно своих чад домой на языке Гомера созывает. Но, опять-таки — во дворе они общаются с другими детьми на русском.

— ...особенно у тех, кто живет не в русских районах...

А вот это вполне возможно, и даже наверняка. Дети вообще мгновенно нахватывают словарный запас и начинают трещать на том же наречии, что и большинство сверстников. Ну это одна из основных причин, по которым люди вообще живут в национальных районах, не так ли? Хочешь, чтоб дети сохраняли русскую культуру — говори с ними дома по-русски и обеспечь наличие вокруг других русских детей. Впрочем, это и любой другой культуры касается.

— ...наследники величайшей культуры, мы не имеем морального права...

Опять логорея пошла. Зачем его вообще на трибуну выпустили — непонятно. Так-то народ здесь подобрался вполне практический, судя по первому выступлению. Хотя, конечно, экстраполяция по одной точке — дело рискованное. Может, как раз наоборот — тут большинство такие же, как этот «патлатый».

Сидящий в президиуме Глеб вновь страдальчески поморщился и в очередной раз взглянул на часы, явно не в силах дожидаться, когда же это переливание из пустого в порожнее закончится. Вот у него выступление было четким и по делу, у меня самого чуть рука за бумажником не полезла, хе-хе. Шучу. Нет, выступил он и правда отменно.

— Большое спасибо, Сергей Егорович! — дождавшись паузы в речи «деятеля культуры», Глеб напомнил тому о регламенте. Курганов (ага, вспомнил фамилию) явно несколько разочарован тем, что время его выступления закончилось так быстро, но спорить не стал и, сопровождаемый на удивление энергичными аплодисментами публики, спустился со сцены и сел в первом ряду. Чему тут хлопать? Не понимаю...

Глеб, не вставая, продолжил:

— Ну а сейчас перейдем от экономики и культуры к географии. Слово предоставляется Игорю Дмитриевичу Желтову, известному геологу, топографу и вообще исследователю.

Невысокий худощавый мужик с загорелой дочерна лысиной, сидевший в президиуме слева от Большого Глеба, поднялся и встал за трибуну.

— Добрый день! Все, кто интересуется исследованиями Новой Земли, наверное, уже в курсе, что Исследовательская служба Ордена опубликовала на прошлой неделе результаты годичной экспедиции на Дальний Юг. Два исследовательских судна поднялись по...

Опа! Надо же. Интересно, с чего бы это вдруг? Может, узнали, что информация уже утекла? Или решили, что особого интереса она не представляет? Впрочем, посмотрим сначала, что именно опубликовано. «Географ» тем временем немного поколдовал с пультом, приглушил свет в зале и включил проектор. На белом экране появилась карта Дальнего Юга. Народ вокруг начал перешептываться. «Смотри... вот тех гор раньше не было... и озер... а вторая река была?..»

— Как вы можете видеть, по сравнению с картой, выпущенной по итогам экспедиции трехлетней давности, добавились существенные подробности. Исследователи поднялись по вот этой большой реке, названной ими Аустрáлис...

Пятнышко лазерной указки пробежало сверху вниз и замерло на горном кряже,

прорезаемом рекой.

— ...несудоходные пороги. Впрочем, непроходимыми эти горы не являются, экспедиция преодолела их и вышла к цепочке озер на северной стороне. Частично исследовав озера, экспедиция вернулась обратно.

Хм... а маленькую подробность о причине возвращения обнародовать не стали, что ли? Агрессивные черные ребята с автоматами и все такое? Ну-ну.

— ...проводилась аэрофотосъемка прилегающих к реке территорий с использованием базирующихся на судах беспилотников. Как можно заметить...

Интересно, а асфальтовые озера на этих фотографиях присутствуют? Что-то мне подсказывает, что нет. Во всяком случае, никаких специальных пометок я в районе устья не наблюдаю. А вот холмы, отблески на которых заметил Гискар, имеются. К сожалению, с обеих сторон от реки.

— ...составлены лощи, что, конечно, очень важно именно...

И все-таки не понимаю — зачем? Если бы Орден стремился к быстрой колонизации Дальнего Юга — понятно, но ведь тогда он бы и вел себя совершенно иначе. Или, быть может, грядут какие-то изменения в политике?

— ...интересующий, конечно же, всех вопрос — климат. Район устья Аустралиса малоприспособлен для проживания — он находится на границе холодного полупустынного климата и приполярного океанического...

Не, я-то понимаю, о чем речь, но вот для большинства, наверное, стоило бы попроще, нет? Впрочем, лектор и сам быстро понял свою ошибку:

— Проще говоря, к северу от устья постоянно сухо, зимой холодно, а летом умеренно тепло, как на юге аргентинской Патагонии в старом мире. К югу от устья — постоянно прохладно, колебания температуры меньше, а осадков — больше. Огненная Земля, Фарерские острова, северное побережье Исландии, где-то так. Само устье находится на границе между этими зонами. И обе они очень, очень ветреные. Автоматическая метеостанция, установленная экспедицией, трижды за полгода фиксировала скорость ветра более семидесяти пяти километров в час, рекорд — сто два километра.

Несколько человек уважительно присвистнули. Ну, я не специалист, конечно, но, кажется, на американской авиабазе Туле^[2] бывает, что и за триста километров в час переваливает, а у берегов Антарктиды — и за четыреста. Впрочем, там никто и не живет. Постоянно, во всяком случае. Но все равно — не сгустили ли орденцы слегка краски в своих отчетах, дабы никто не полез шариться по окрестностям и не нашел нефть? Хотя зачем тогда вообще отчет публиковать? Нет, определенная логика есть: не опубликуешь, все начнут что-то подозревать, и кто-то полезет любопытствовать. А так — холодно и ветрено, ничего интересного, хе-хе.

— ...мере продвижения на север становится теплее. Пустынные, полупустынные и степные участки чередуются, в зависимости от конфигурации дождевой тени^[3]. В общем и целом — аналог Патагонии. Конечно, наличие большой реки — это преимущество. На юге возможно пастбищное скотоводство, севернее климат подходит для выращивания овощей и фруктов. Похоже на Нижнее Поволжье.

Знакомое слово вновь вызвало некоторое оживление. Ну оно и понятно: Патагония для большинства присутствующих есть нечто совершенно абстрактное, а Саратов или Астрахань все себе более-менее представляют.

— Как видно на карте, достаточно крупный приток вливается в Аустралис с северо-

востока на две тысячи километров выше устья. Экспедиция поднялась по нему почти на шестьсот километров, после чего глубина реки стала недостаточной...

Интересно, кстати, а какая осадка у этих исследовательских посудин Ордена? Скорее всего, небольшая, иначе бы они так лихо по рекам не рассекали. Между прочим — пьяный Гискар, как ни странно, называл расстояния в сухопутных милях, а не в морских. А еще моряк и даже целый капитан. Позор ему, однако.

— ...назвали Гискар, в честь капитана судна, открывшего реку...

Ха-ха! Так вот он почему промолчал — стеснялся. Скромный, даже спьяну не выдал. Ну молодец, что уж тут.

— ...течет через степь, наподобие аргентинской пампы.

— ...севернее. Правый берег более засушливый и гористый. Но много небольших рек, стекающих с гор. Отлично подходит для сельского хозяйства, особенно виноделия.

Что-то типа аргентинского Куйо, насколько я понимаю. Ну понятно — география схожа, вот и получается аналог. Физика-то одинакова в обоих мирах. Э-хе-хех... Всегда мечтал иметь несколько гектаров виноградников и делать свое вино. Красота... Хотя это в мечтах «красота», а в реале довольно быстро наскучит, скорее всего. А может, и нет. Попробовать надо, в общем.

— ...пампа — возле реки довольно сухая, но, рассуждая логически и опираясь на данные исследования Гискара, по мере удаления от гор и приближения к океану она должна становиться влажнее. Прекрасное место для скотоводства, выращивания пшеницы, кукурузы и так далее.

Хм... если владельцем ранчо я себя представить еще могу, то вот фермером как-то совсем не тянет. «Маленький домик в прериях», ага. Нет, спасибо.

— ...По мере приближения к горам становится влажнее и жарче. Горы, кстати, экспедиция назвала Бордер-Маунтинс, ну да переименуем, если что...

Да уж, фантазия у Гискара со товарищи фонтаном явно не была.

— ...частично — влажная саванна, частично — леса. В горах — тоже леса. Экспедиции встречались ценные породы деревьев. Это важно, потому что остальная территория лесодефицитна.

Ага. Вам волю дай, вы все под корень вырубите. Не знаю даже, кто эти «они», раздражение в адрес которых меня вдруг затопило. Люди в целом, наверное. Вообще, как я уже давненько заметил, на природу тут всем глубочайшим образом наплевать. Единственное, Орден какие-то вялые трепыхания по части ее охраны делает. Загадили один мир, нашли новый — загадят и этот. Ну вот что люди за существа такие...

— ...севернее гор, с точки зрения возможной колонизации на сегодняшний день интереса не представляет, в связи с отсутствием удобных транспортных путей.

А также в связи с наличием негров с автоматами, хе-хе.

Широкоплечий белобрысый мужик, сидящий на два ряда впереди меня, поднял руку, что не осталось незамеченным.

— Да?

— А как насчет полезных ископаемых? Золото, алмазы, нефть, руды и так далее? Геологическую разведку же они тоже вели.

Игорь... э-э... как его там... кивнул:

— Как раз собирался к этому вопросу перейти. Разумеется, полноценную геологоразведку экспедиция вести не могла — слишком большую территорию надо было

обследовать. Основной их задачей была элементарная разведка и картографирование местности. Тем не менее даже при таком поверхностном осмотре был найден ряд месторождений. Сразу скажу, что ни золота, ни алмазов экспедиция не обнаружила...

— Так они и сказали, если бы нашли! — Судя по гулу в зале, большинство с этим выкриком откуда-то с задних рядов согласны примерно полностью. Как, собственно, и я. Впрочем, если сейчас расскажут о нефти в районе устья, тогда поверю, что золота не нашли. Ну почти поверю.

— ...как и нефти. Однако был...

Ну вот, я же говорил.

— ...в частности, совсем неподалеку от Аустралиса, в южных отрогах Бордер-Маунтинс, найдено месторождение бурого угля. С возможностью добычи открытым способом!

Голос докладчика торжествующе зазвенел. Я, честно говоря, не понял, что в этом такого уж прям замечательного, ну да ладно. В конце концов, где я, и где геология с горнодобычей. Впрочем, если благодаря этому месторождению будут рубить меньше деревьев — я лично только «за».

— ...также в горах были найдены месторождения полиметаллических руд, содержащих цинк, свинец, медь, серебро и ряд других металлов. Там же найдены выходы на поверхность кварцита и мрамора. В двухстах километрах вверх по Гискару были найдены следы железных руд, кроме того, данные магнитометров в этом районе показывают мощную магнитную аномалию...

Это все очень интересно, конечно. Будет. Лет этак через сто, не раньше. Неудивительно, что орденцы решили опубликовать данные. Золота нет, нефти нет, до леса нужно подняться на четыре с лишним тысячи километров вверх по реке... Какой дурак туда попрется? Не, ну какой-то попрется, конечно, но массово? Очень маловероятно.

— ...несколько месторождений известняка и песчаника, пригодных для использования в строительстве, у самого берега реки...

Вот-вот. Наладим, блин, экспорт песчаника с Дальнего Юга на Дальний Север. Экономическое процветание колонии гарантировано, хе-хе.

— ...в общем, это прекрасная, богатая земля, которая ждет своего хозяина. И кто первым туда придет жить, тот этим хозяином и станет. Я лично хочу, чтобы хозяевами там стали русские. Поэтому двумя руками за идею Глеба об организации колонии, и сам с огромным удовольствием приму в этом участие. Спасибо.

Громко аплодирую вместе со всеми. Молодец мужик, хорошо выступил. Интересно, что там у них дальше по плану? Сейчас узнаем — вон Глеб опять поднимается.

— Большое спасибо за выступление, Игорь, было очень интересно. Теперь я предлагаю сделать перерыв на пятнадцать минут. Кто успел проголодаться — в холле всем участникам нашей конференции предлагаются бутерброды, чай и кофе. Бесплатно конечно же. Увидимся через пятнадцать минут!

Ага. Бесплатно, значит. Один экю, заплаченный за вход, бутерброд и кофе не окупит... Нет, если совсем уж экономно сделать, то окупит, но денег на этом точно не заработаешь. Значит, плата за вход была защитой от всякой маргинальной публики, а...

Ух ты!..

Вид столов в холле, заставленных подносами с огромными, роскошными бутербродами, вновь пробудил аппетит. Блин, вроде ж ел недавно. Ну ничего, на хаяву — можно. Утянув с подноса бутерброд с каким-то паштетом (вкусно!), зеленью и сыром, получаю у девушки в

белом фартуке чашку кофе и отхожу подальше от толпы, чтобы никто не толкнул под локоть. Нет, такого одним экю точно не окупишь. Вывод: кто-то вложился. Скорее всего — Глеб. По нему видно, что человек к поставленным целям прет как танк. Вот только какая у него цель — тот еще вопрос, знаете ли...

Так, а где там троцкист-то? Совсем я про него забыл... ага, вон он. Тоже бутерброд жует. Интересно все-таки — что он тут делает?..

Чуть в стороне вижу небольшую толпу, собравшуюся вокруг Глеба и закидывающую его вопросами. Ну-ка, подойдем поближе, послушаем...

— ...конечно, со временем и все орденские структуры подтянутся. Они же в чистое поле не поедут, правильно? Вон на Калифорнию посмотрите — сначала люди поехали на новое место, создали свою страну с нуля, а потом уже Орден открыл представительство, банки, почту и все остальное. А сейчас вон даже полноценную Базу с Воротами строят, ни для кого же не секрет. И у нас...

Ну, вообще-то у меня несколько другая гипотеза. Орден *сначала* принял решение создать в этой самой Калифорнии дружественный ему анклав, *затем* нашел и поддержал инициативную группу (ну это-то дело нехитрое, тяжелый на подъем народ сюда не особо и едет), и только после этого, как и планировал, начал продвигать туда инфраструктуру. А вот насколько благожелательно он будет настроен к «неавторизованным» попыткам расширения Ойкумены — большой вопрос, знаете ли...

— А почему именно на Аустралисе, а не на западном побережье? Там ведь климат лучше: как в Чили и Перу примерно?

Бородач помотал головой:

— Там узкая полоска земли, между морем и горами. А от южного тропика до экватора вообще пустыня. Что в пустыне делать? Зачем там селиться?

Спорный вопрос, честно говоря. Во-первых, в этой пустыне очень приятный, ровный климат — круглый год от двадцати до двадцати пяти тепла. Во-вторых, там же с гор реки стекают. В старом мире в точно такой же пустыне стоят мегаполисы и живет пара десятков миллионов человек, между прочим. В-третьих, горы там, насколько я понимаю, это аналог южноамериканских Анд — соответственно райское место для жизни. Да и «Чили» дальше на юг — чем плохо? Ровный морской климат, красота. Уж всяко лучше сухой холодной степи или влажной саванны, прогретой солнцем за сороковник. В общем, зря они так сразу этот вариант отбрасывают.

— А земельное законодательство какое планируется? Ископаемые в земле кому принадлежат — землевладельцу или государству? — Опять тот белобрысый крепыш, что и в зале на «ископаемую» тему вопрос задавал. Профессиональный интерес?

Глеб широко улыбнулся:

— Ну, мое личное мнение однозначно — раз земля твоя, то и все, что в ней, — твое.

Белобрысый удовлетворенно кивнул.

— ...конечно, такие вопросы будут решаться советом пайщиков, до отплытия. Я сейчас по всей организационной стороне дела пройдусь подробнее. Кстати, время; пойдемте внутрь.

Перерыв закончился, и все потянулись обратно в зал. Уже садясь на место, ловлю на себе взгляд троцкиста. Этаким задумчивый — чувак явно пытается вспомнить, где и когда он меня видел. Пожалуй, стоит его слегка подтолкнуть в нужном направлении. В конце концов, я же ни от кого не скрываюсь (не считая нигеро-суданцев с топорами, хе-хе), а просто хочу возобновить общение с Ичасо и в итоге перевести это самое общение в горизонтальную

плоскость. Так что имитирую дружелюбное выражение лица и киваю. Парень неуверенно кивает в ответ, но, кажется, так меня и не вспомнил. Ладно, потом разберемся.

К трибуне вновь выходит Глеб:

— Вводную часть мы закончили, перейдем к конкретике. Прежде всего, сразу хочу сказать, что русская колония на Дальнем Юге будет в любом случае. Я сам для себя решение уже принял и даже за последний месяц большую часть активов перевел в кэш. Несколько семей, твердо намеренных переселиться, тоже уже есть. Средств на закупку всего необходимого и переезд хватит.

Хм... Нет, всякие чудики на свете бывают, конечно. Но забраться с двумя-тремя десятками человек в место, оторванное от цивилизации чуть меньше чем абсолютно... Понятно ведь, что никакого коммерческого сообщения с такой колонией не будет. Ну если только там золото или алмазы не найдут. Тогда будет, но тогда туда мгновенно набежит куча *всякого*, скажем мягко, люда, и никакой «России на Дальнем Юге» не получится. Смотри историю бурских республик в Южной Африке.

— ...сразу начать с большого, сильного, процветающего поселения. Поэтому предлагается следующая схема — паевое товарищество. Пайщики за счет своих вкладов оплачивают сам переезд, плюс некоторое общее имущество и оборудование, необходимое для нормального функционирования поселения. Соответственно колония управляется советом пайщиков. Не навсегда, разумеется, а на пять лет. После этого вводим всеобщее избирательное право и обычные выборные органы.

Хм... Вообще, я как-то не очень верю в эффективность олигархии. И вся человеческая история мою правоту подтверждает. То, что мы в новом мире, никакого значения не имеет. Мир-то новый, да люди в нем все те же.

— ...землю себе там, на месте, тоже первыми выбирают пайщики и получают тройной надел. Но, конечно, земли хватит на всех...

«Пряников сладких всегда не хватает на всех», как говорил один мой знакомый. Не знаю уж, сам он эту фразу выдумал или где-то честно украл. Земли-то там, разумеется, полно, но вот ценность у нее очень и очень разная. Я даже не про плодородность и обеспеченность водой говорю, этого-то добра точно всем хватит. Но вот земля вокруг будущего поселения — это огромная ценность. Основа тех самых «старых денег», о которых Большой Глеб говорил ранее. Да и не только там — вообще все удобные места для строительства новых городов, портов и тому подобного. Так что преимущество у пайщиков серьезное. Ну так и должно быть — никто же за красивые глаза кучу денег не выложит. Какую именно кучу, кстати?

— ...размер пая определен в двести пятьдесят тысяч экю.

Зал загудел наподобие пчелиного роя, всем вдруг захотелось обсудить услышанное с соседями или просто тем или иным образом выразить свое мнение. Двести пятьдесят тысяч — не кисло! Совсем не кисло... С другой стороны, понятно, что расходы на основание колонии получатся весьма приличные. Один фрахт судов встанет в такую копеечку, что подумать страшно. Какой нормальный судовладелец отправит свое имущество за тридевять морей, с реальным шансом его не дожидаться обратно, когда можно спокойно ходить по Большому заливу? Да и «общих расходов» тоже должно набежать столько, что мама не горюй...

— ...те, кто к пайщикам не относится, переселяются бесплатно. Имущество — определенный объем бесплатно, остальное — за деньги. Какой именно объем имущества поселенцев перевозится за счет пайщиков, станет ясно по ходу дела. Но в любом случае — не

меньше половины двадцатифутового контейнера на семью, плюс какое-то количество домашних животных.

Интересно, а как вообще живность на судах перевозят? Не кошечек-собачек в смысле, а коров там или лошадей? Не думаю, что здесь специализированные скотовозы есть, как на Старой Земле. Очень уж дорогие посудины, а филиал «Siba Ships»^[4] тут, скорее всего, отсутствует.

Вообще, конечно, лихо этот Глеб размахнулся. Как бы не чересчур лихо. Интересно, найдутся желающие в пайщики?

Впрочем, на этот вопрос ответа долго ждать не пришлось.

— ...сообщить, что еще до сегодняшнего собрания три человека, помимо меня, изъявили желание стать пайщиками. Это Игорь Желтов, уже внесший свой пай...

Любопытно, а откуда у «геолога и топографа» четверть ляма экю? И ведь это явно не последние, иначе не было бы смысла вкладываться. Видимо, интересные вещи чувак находил за годы странствий, хе-хе.

— ...Александр Фролов...

Довольно молодой, не старше тридцати парень, сидящий в президиуме, поднялся и улыбнулся собравшимся во все тридцать два зуба. Интересно, как он такую сумму заработал? Атлетического сложения, блондин... Похож на этого, как его... который в экранизации «Обитаемого острова» играл. Но тут, наверное, цивилизация еще не настолько продвинулась, чтоб киноактеры становились миллионерами, так что каким-то делом он все же занимается. Но хлопают ему весьма активно: похоже, какая-то местная знаменитость.

— ...и Александр Юрьевич Солоневич...

Обычный мужик в возрасте, лет пятьдесят с копейками где-то, без особых примет, вполне себе пролетарского облика, не считая круглых очков с толстыми стеклами. Ну, раз деньги есть, значит, не пролетарий. Это если предположить, что какие-то реальные деньги (кроме потраченных на кофе, бутерброды и аренду зала) имеют место быть. Я пока что не готов поручиться, что все это не является одной большой разводкой. Да, Глеб располагает к себе — солидный, основательный, внушающий доверие мужик-хозяин. Но, будем слегка циничны, это одна из основных «масок» типичного кидалы. Уж тут-то можете мне поверить, я этой публики перевидал более чем достаточно.

— ...касается законов. Устав колонии будет принят здесь, собранием пайщиков, когда определится их состав. Я лично считаю правильным и буду предлагать собранию взять за основу Гражданский кодекс Техаса. Он простой, логичный, защищает бизнес и частную жизнь. К тому же многим, кто ведет дела с Техасом, он знаком...

Интересно, что там у техасцев за Гражданский кодекс такой? Здесь уже разработали или из-за ленточки взяли?

— По сколько земли будут давать? — Кто-то в зале опять не утерпел. М-дя, все-таки никак в наших людях не исчезнет вот это «будут давать». Как дадут, так и отберут, знаете ли. Брать надо, а не ждать, пока дадут.

Глеб степенно пригладил бороду. Забавно, кстати, — волосы у него цвета «перец с солью», а вот борода — наоборот.

— ...знаете, земельные вопросы на неосвоенных землях регулируются правилами Ордена...

— Или Кольта! — очередной выкрик из зала, вызвавший невеселый смех у многих присутствующих.

Глеб с сожалением кивнул:

— Или Кольта. Но Кольта нам не надо, я думаю? Пастбищных войн и прочего подобного счастья? Вот и я думаю, что не надо. Напоминаю, если кто забыл или не знает, — он чуть застенчиво улыбнулся, — я вот и сам не знал, пока не занялся вопросом недавно. Так вот — вопросы владения землей на территории анклава регулирует сам анклав. Но анклав — это устойчивый союз нескольких поселений, тысячи жителей, и, главное — официальное признание такого статуса Орденом. Территория Невада и Аризона, например, стала анклавом, когда здесь жило уже больше двадцати тысяч человек. Сами понимаете, до этого нашей будущей колонии еще далеко. Мы же, сразу после основания, станем независимым поселением на неосвоенных землях. Здесь, на Севере, таких земель больше нет, но когда-то они были, и соответственно, есть правила их занятия. Орден признает юрисдикцию независимого поселения в радиусе двенадцати миль при условии, что там постоянно проживает не менее тридцати человек, принадлежащих не менее чем к трем семьям, и родился хоть один ребенок. Все, что меньше этого, считается отдельно стоящей фермой, которая может занять гомстед^[5] в шестьсот сорок акров земли, пригодной для земледелия, или две тысячи пятьсот шестьдесят акров — пригодной только для выпаса скота. Границы поселенцы определяют сами, но в дальнейшем, по мере освоения земель, они должны быть уточнены землемерами либо Ордена, либо анклава, если таковой сформируется раньше...

Хм... интересно, шестьсот сорок акров — это много или мало?^[6] Я как-то далек от таких вопросов. Судя по воодушевленным перешептываниям по-фермерски выглядящей части публики — немало. А если земля для выращивания пшениц и прочих виноградов непригодна, а только для прокорма рогатых — значит, вчетверо больше. Это, насколько я понимаю, территория где-то от устья и тысячи на полторы километров вверх, а то и больше. Любопытно, любопытно...

— ...на сегодня у нас пять семей и больше тридцати человек, решивших переселиться. Так что независимое поселение у нас, можно считать, уже есть...

Ишь ты, шустрый какой. Доплыви дотуда сначала. А если и доплывешь — кому ты там собрался заявку подавать, на признание? До ближайшего представительства Ордена будет хрен знает сколько тысяч километров.

— ...позволит получить у Ордена временную лицензию и закупить по ней необходимое для самообороны оружие. Ну, вернее, закупить-то мы здесь и так можем, но его же в порт еще везти...

Глеб продолжал выступать и отвечать на вопросы, но я уже слушал вполуха. Затея интересная, конечно, и удачи им (если это не кидалово), но как-то нет у меня особого желания тащиться за тридевять морей и земель в необжитые пампасы. Ну вот что я там делать буду? Мини-зал открою, с двумя игровыми автоматами? Так с него не проживешь. В фермеры меня как-то не тянет, от слова совсем, не любитель я физического труда. Крупных рогатых скотов разводить или мелких? Ну... там тоже нужно вкалывать будь здоров, сдается мне. Даже с учетом того, что можно нанять работников (что тоже не факт: откуда в такой колонии много свободных рабочих рук возьмется), один хрен... Да и куда этих скотов потом девать? Кто их есть будет? Сам разве что, вместе с работниками. Виноградник разбить... нет, мечта — это хорошо, конечно, но реально смотря на вещи, я ни черта в этом деле не понимаю. Купить готовый — это одно, а вот с нуля... Да и вопрос со сбытом остается.

В зале присутствуют, по грубой прикидке, человек двести пятьдесят — триста. Интересно, сколько из них впишутся в затею? Сдается мне, не слишком много. Хотя черт его

знает: от местных настроений я пока далек, может, чего и не понимаю. Ладно, не важно. Когда там уже все это дело сворачивается?

Свернулось все довольно-таки нескоро. Глеб еще минут сорок отвечал на вопросы (в основном глупые и/или повторяющиеся), так что я совсем было собрался попросту встать и уйти, но тут наконец-то собрание закончилось. Бородатый здоровяк на прощание предложил всем поразмыслить над услышанным и сообщил, как с ним связаться. Ну поразмыслить-то я поразмыслю, конечно, а вот связаться — это вряд ли. Что в буквальном смысле, что в переносном.

Неспешно бредя с толпой к выходу, вновь ловлю на себе взгляд троцкиста (или марксиста, в сортах дерьма не разбираюсь). Он, между прочим, уже у самого выхода. Наткнувшись на встречный взгляд, быстро разворачивается и исчезает в дверях. Станный он какой-то... Ну да и хрен с ним. В любом случае мероприятие оказалось достаточно интересным, так что время потратил не впустую.

Выйдя на улицу, оглядываюсь по сторонам, но ни объект слежки, ни, что было бы куда интереснее, Ичасо в зоне видимости не обнаруживаю. Что ж, раз так, возвращаюсь к первоначальному плану. Развлечения развлечениями, а работать все-таки надо.

Свободная территория Невада и Аризона, Нью-Рино, Фримонт, бульвар Александра Второго, игровой зал «Пять тузов»

— Ну а вообще, в целом? Тут же у вас братвы столько... Что, не бывает проблем? С проигравшимися там или еще чего...

Юра пожал плечами:

— Да всякое бывает, конечно. Но таких, чтоб уж прям вообще — нет. На входе знак видел?

— Ага. Я в курсе уже, что означает.

Администратор «Пяти тузов» вновь пожал костлявыми плечами:

— Ну вот... Наезжать никто не будет, с Рашенз дураков связываться нет. А так, бычка по пьяни если, сами справляемся. Да и ментов можно вызвать, они здесь хорошо работают, это тебе не Красногорск...

— Да уж. Но там тоже порешали тогда, в итоге. Областным проплатили, они этих шустриков выцепили. Гастролеры из Баку оказались. Но это уже после тебя было. Мы, кстати, тогда всё думали — куда ты пропал: ни слуху ни духу; а оно вона как...

Вообще-то на самом деле никто про него не вспоминал. Ушел человек и ушел, его дело. Текучку кадров никто не отменял. Да и сам Юра не сказать чтоб был душой коллектива или каким-то сверхкомпетентным сотрудником. Но, наверное, ему приятно будет услышать, что кто-то за ленточкой его не забыл. Мне бы вот приятно было. Впрочем, я-то уверен, что обо мне кое-кто вспоминает. И даже ищет, наверное, хе-хе.

— Да, от друга узнал, что такой вариант есть. Ну и решил, что нечего в том Красногорске ловить.

— Не жалеешь?

— Вот уж нет! — Юра помотал головой так активно, что я испугался за сохранность его шейных позвонков. — Здесь я себя человеком чувствую! А там кем я был? Пустым местом! Там человек без связей наверху — никто.

Ну, не поспоришь. Есть такое.

— ...и вообще здесь жить лучше, даже вот чисто по быту. Жилье лучше и дешевле, еда лучше и дешевле, законов самый минимум и только те, которые реально нужны... И тепло... я московскую зиму забыл, как страшный сон. Самому-то тоже нравится, нет?

Молча киваю. Нравится. Только вот амбиций у меня побольше, чем у Юры. Это его вроде бы вполне устраивает год за годом работать администратором в одном и том же месте, а я бы от такого уже с ума сошел, наверное.

Вообще, конечно, забавно. «Мир тесен» — расхожая фраза, но, получается, уже можно ее подкорректировать на «миры тесны». Первый день как человек вышел из отпуска — и встречает своего бывшего начальника, которого в последний раз видел лет семь назад, и в другом мире. Не знаю уж, обрадовался он или не очень, но лично я доволен — пользуясь знакомством, можно добыть куда больше информации, чем пытаюсь разговорить кого-то «с нуля».

— И че, много Рашенз берут за крышу?

Собеседник немного помялся, но ответил:

— Пять штук в месяц. Это здесь; если на Стрипе где-нибудь, то там десятка будет, а то и

пятнашка.

— Отжать не пытаются?

— Не... тут такое не принято. Бывает иногда, но это реально накосячить надо.

— Понятно...

— Че, думаешь зал открывать?

А глазки-то поблескивают. Не просто так спрашивает: видимо, надеется на предложение о работе. Ну посмотрим, посмотрим...

— Пока думаю. Скорее всего; что еще делать-то? Ранчо покупать и коровам хвосты крутить? Неохота...

— А в Кейптауне, говоришь, нормально пошло?

— Да, ничего так... Там сейчас бум, негры самолетами прут. Игорка на подъеме.

— Зачем продал-то?

Ишь, любопытный какой.

— Да задрал этот Кейптаун... Большая деревня, негры еще эти... мне они и на той стороне надоели.

Юра удивленно моргнул чуть подслеповатыми голубыми глазами:

— А там-то ты их где взял?

А, точно. Он же не в курсе.

— Я в Африку уехал работать, где-то через пару месяцев после твоего отъезда. Тоже Подмосковье достало. Почти четыре года там провел.

— В игорке?

— Ага. У Лавальских, младшим партнером и управляющим.

— Они же неадекватны полные... От них все управляющие разбегались.

— Ну-у... Расстояние этот момент слегка компенсировало. Но да, крови попили. Потом вернулся, опять в Подмосковье работал. И вот зимой прошлой товарищ рассказал, что можно сюда свалить — я ни дня не думал, сразу на лыжи.

Благо выбора-то особенного и не было, хе-хе. Впрочем, я бы все равно поехал, наверное. Только подготовился бы получше.

— Слушай, а ты не знаешь такого Глеба Больших? Строительством занимается вроде как.

Юрин лоб, плавно переходящий в обширную залысину, задумчиво наморщился.

— Мм... лично не знаю, а так слышал, конечно. Он тут, во Фримонте, членом городского совета был, а в прошлом году в Литл-Гроув переехал. Довольно известная личность, конкурсы и гранты всякие вечно оплачивает. А что?

— Да ничего... просто пересеклись случайно, стало интересно, че за чувак такой.

Политические амбиции у него, значит. В принципе это говорит в пользу версии, что вся затея — не разводняк. Любопытно...

Свободная территория Невада и Аризона, Нью-Рино, Лас-Вегас-Стрип

Все-таки с топливом им тут надо что-то делать. В центре города уже реально дышать нечем. Должны же быть хоть какие-то стандарты?

Перехожу улицу и поворачиваю направо, к центру. На сегодня в планах значится визит в орденское Агентство по закупкам, надо там уточнить...

— Витали!

Обернувшись, ловлю взглядом знакомый «Судзуки Самурай» с травянистой раскраской,

укомплектованный рыжей красавицей за рулем.

— Hola!^[7]

Девушка энергично машет рукой — лезь, мол, внутрь, нечего тут на всю улицу перекрикиваться. О'кей, я очень даже «за». Конечно, проверить во время посадки, не спрятался ли кто в багажнике, мне это «за» не мешает.

От зеленых глаз басконки моя предосторожность не ускользает.

— Не бойся, похищать тебя я пока не планирую.

— Ну вот... а я уже представил себя привязанным к кровати и тебя в роли прекрасной насильницы...

— Да запросто. В секс-шоп только заедем, агрегат подлиннее и потолще куплю.

— Э нет! Несогласный я *так*!

— Ну вот... только раздразнил девушке фантазию — и сразу в кусты. Все вы, мужики, такие!

Смеемся вместе.

— Рада тебя видеть.

Хм... с чего бы вдруг? В прошлый раз, помнится, я на нее впечатления не произвел. Хорошего, во всяком случае.

— Я тоже!

И насколько случайна наша встреча? Что-то мне подсказывает — где-то между «не очень» и «вообще не».

— Какими судьбами в Нью-Рино?

— Да так, дела всякие... Уже три месяца как из Порто-Франко перебралась. А ты? Я в «Принцессу Инков» заезжала как-то, но они сказали, ты уже съехал. Где был?

Надо же. Интересно, на самом деле заезжала или как? Может, зря я тогда решил: «Нет так нет», — надо было активность проявить?

— А я на Юг уехал, в Кейптаун.

Ичасо присвистнула с легким удивлением.

— Надо же, куда тебя занесло.

Развожу руками. Мол, вот такой я весь внезапный, ничего не поделаешь.

— Слушай, ты спешишь куда-то? Или есть время угостить девушку обедом?

Радостно киваю:

— Конечно, с удовольствием!

Точно, встреча не случайна.

— Отлично! Я тут хорошее место знаю, неподалеку.

Орденские бюрократы никуда не денутся, с ними и в другой раз пообщаться можно.

— Поехали!

Место и впрямь оказалось совсем близко. И трех минут не прошло, как наш внедорожник свернул на неширокую улочку, идущую параллельно Авенида-Лопес, и еще через минуту припарковался у ресторанчика с вывеской «D'ос» и незнакомым мне флагом над дверью — на красном фоне чудно выглядящий крест и семиконечная звезда в углу. Что-то первый раз такое вижу, и даже ассоциаций никаких не возникает.

— Ты как относишься к окситанской кухне?

Окситания... это где вообще?^[8] Где-то во Франции, кажется?

— Э-э... честно говоря, впервые слышу о существовании таковой.

Ичасо шутливо закатывает глаза:

— Ох уж эти русские варвары! Ладно, пойдем, буду делать из тебя человека.

Принимаю смиренный вид:

— Слушаюсь и повинуюсь, хозяйка.

Грозит мне пальцем:

— Ты эти свою южные штучки брось! Рабовладелец проклятый! Признавайся: завел себе гарем из рабынь?

Надо же, проникательная какая. Ну гарем не гарем, но одну купил, было дело. Впрочем, учитывая политические воззрения собеседницы, делиться этим было бы неразумно, так что мотаю головой:

— Нет, в Родезии рабство запрещено.

— Ну-ну, так я тебе и поверила.

Так, болтая и перешучиваясь, поднимаемся по узкой деревянной лестнице на второй этаж и занимаем небольшой столик на террасе, выходящей в сад внутреннего дворика. Уютно тут, даже весьма. Дерево, кирпич, гирлянды чеснока и каких-то очень аппетитно пахнущих сухих трав.

Время для завтрака уже позднее, а для обеда — раннее, так что посетителей немного, больше половины столиков свободны.

В связи с моей постыдной неосведомленностью о яствах окситанской кухни (да и о самом существовании таковой, если уж на то пошло), Ичасо делает заказ на нас обоих. Мое ухо выхватывает среди незнакомых названий «...кассуле^[9], рататуй^[10], нисуаз^[11]...» знакомое слово.

— Погоди, «Рататуй» — это мультик такой был, о крысе-поваре.

Басконка подтверждающе кивает:

— Вот-вот. В этом ресторане — лучшая крысятина в городе, специально ради нее сюда приезжаю.

— Хм...

Шутит или нет? Французы — они ведь почти как китайцы, тоже какой только гадости не жрут, от лягушек до улиток и кузнечиков. Ладно, черт с ними, с крысами — едали мы вещи и пострашнее. Одна куриная тушенка из Макеевки чего стоит, после нее никакая крысятина не страшна.

Официант, невысокий, полный и чернявый, как и положено южному французу, принес бутылку красного вина и ловко наполнил два бокала. Присматриваюсь к бутылке. Написано на... э-э... черт его знает на каком. Что-то романское, несомненно, но на французский как-то не похоже. Я его не знаю, но опознать могу, мне кажется.

— Это окситанский язык. Они у себя вино производят.

Ни фига себе, еще и язык такой есть? Выражаю удивление вслух, чем вызываю очередной смех Ичасо.

— Ты только при официанте такое не ляпни, а то в рагу плюнет. Есть и язык, и анклав свой — на юго-западе Европейского Союза. Столица — в Тулузе.

— Я думал, в Тулузе на французском говорят... В *той* Тулузе, по крайней мере.

На лице девушки промелькнула легкая ностальгия. А, ну да, все забываю, что она не испанская басконка, а французская. Как раз из тех самых «окситанских» краев, насколько я понимаю.

— Вообще да, но там и свой древний язык есть, хотя большинство его забыли. Но активисты изучают, пытаются возрождать, есть передачи на радио и ТВ. И тут среди

переселенцев оказалось достаточно таких активистов, поэтому они поселились не с остальными французами, на севере ЕС, а создали свой анклав. Ну а потом уже легче — анклав же может сам через Орден нужных людей к себе зазывать. Сейчас в здешней Окситании дети на французском уже и не говорят, там его в школах принципиально не преподают, даже в качестве иностранного.

— Понятно...

Надо же, вот людям заняться нечем. Хотя почему бы и нет? Вреда от этого окружающим никакого, во всяком случае.

— Ладно, хватит об окситанцах. За встречу?

— За встречу!

А ничего так винцо. Пить вполне можно. Забавно, кстати, — кубанское что-то напоминает, хотя и не припомню, что именно.

— Так что ты в Кейптауне делаешь?

— Уже ничего. Я оттуда уехал.

— А что так? Не понравилось? Или работу не нашел?

— Да как тебе сказать...

— Как есть желательно. Фантазировать потом будешь.

Улыбается. Интересно, все эти шуточки с эротическим подтекстом — это ее обычная манера или как? И если «или как», то о чем это говорит, применительно ко мне?

Под кубан... э-э... окситанское вино рассказываю о своих приключениях. Не все, разумеется, лишь ту часть, что можно поведать публике. Ичасо слушает с неподдельным (хочется верить) интересом.

Окситанские блюда с таинственными названиями оказались очень вкусными, но заставили меня в глубине души надеяться, что в горизонтальную стадию мое знакомство с рыжей и зеленоглазой красоткой сегодня не перейдет. Почему? Ну... Лук, чеснок, фасоль, анчоусы и так далее. Думаю, к концу обеда можно будет дыханием комаров сжигать на лету. Или сбивать и сразу опаливать воробьев.

— И что, даже стрелять научился?

Вот же язва. Это она о моих великих подвигах, за которые мне гражданство досрочно дали. Никакого уважения к скромному героизму, хе-хе.

— Научился, научился.

— Мм... что-то слабо верится. Ты, насколько я помню, долго не мог сообразить, с какой стороны за пистолет хвататься.

Не, ну вот это уже наглый поклеп! Нормально я стрелял, даже тогда. А сейчас еще лучше стал. Кстати, надо бы на стрельбище походить. Стрелять — это вам не на велосипеде ездить, тут навык быстро утрачивается.

— Хочешь проверить?

Девушка с легкой иронией поднимает рыжую бровь. Мол, вижу все твои уловки насквозь, просто хочешь со мной еще раз встретиться. А я вроде и не скрываю особо — хочу.

— Ну, можно. Стрельбище «Додж-Сити» знаешь?

— Слышал, но не бывал.

— Кто бы сомневался.

Э-хе-хех... Стерва.

— Это на северо-западе отсюда, за Чайнатауном. Я там с друзьями часто стреляю. Приезжай во вторник, к одиннадцати.

Даже для приличия не спросила, занят я или нет. Ладно, до определенного предела такое поведение меня привлекает.

— Договорились. Кстати, о твоих друзьях — я, кажется, видел одного на прошлой неделе.

Ну а какой смысл скрывать? Он меня точно видел и, скорее всего, вспомнил. Не очень я верю в случайность сегодняшней встречи.

— Ага, Марка. Он мне рассказывал.

Марк, значит. Что-то я ни капли не удивлен. Этнические коммунисты во всей красе, ага.

— ...я смотрю, любитель по таким мероприятиям ходить? Или и правда решил на Дальний Юг переселяться?

А глаза-то заинтересованные, хоть и напускает на себя равнодушно-ироничный вид. С чего бы это, любопытно?

— Да просто мимо шел, вывеску увидел, решил зайти. Не пожалел, кстати, — интересно. А Марк этот, он что, переселяться решил? — вкладываю побольше иронии в голос.

Ичасо качнула кудряво-рыжей гривой:

— Нет, тоже мимо шел, и любопытство у него разыграло, вроде твоего.

Ага, вот только он не шел мимо, а ты его туда привезла, на машине. Все интереснее и интереснее, как говорил... э-э... не помню кто. Из мультика какого-то, кажется.

— Мне вообще кажется, что все это... мм...

Попытавшись вспомнить испанский эквивалент слова «разводка» или, на худой конец, «мошенничество», не смог этого сделать и схитрил:

— ...«панама»^[12].

Блин, надо бы испанский подтянуть. Такое важное слово, а я забыл. Забывается без регулярной практики. Вот, кстати, с Ичасо бы чего получилось, заодно и попрактикуюсь, хе-хе.

Моя потенциальная учительница испанского тем временем задумчиво кивнула:

— Вполне возможно. Уже не раз такое было. Ладно, большое спасибо за обед. Мне надо по делам бежать. Тебя подвезти куда-нибудь?

Мотаю головой:

— Да нет, спасибо, я пешком прогуляюсь.

Ни к чему в машине чесноком и анчоусами на девушку дышать. Да и в Агентство я сегодня уже не пойду. В другой раз как-нибудь, спешки-то никакой. Так что пройду отсюда и до дома, не так оно и далеко, чуть больше часа. Я вообще пешком люблю ходить... говорил уже, кажется.

— Ну смотри сам. Вторник, в одиннадцать?

— Ага. Поражу тебя своей меткостью до глубины души.

— Не сомневаюсь. Уже трепещу от сме... э-э... предвкушения, я хотела сказать.

Ну вот язва, и все тут, что ты с ней поделаешь? Блин, сразу в голову полезли мысли, что бы я с ней поделал. Спермотоксикоз, что ли, начинается?

А чтобы время не терять, во время прогулки стоит обдумать, чем именно товарищам троцкистам так интересна потенциальная русская колония на Дальнем Юге и каким боком тут замешан я. Ибо что-то мне подсказывает, «это ж-ж-ж — неспроста».

Свободная территория Невада и Аризона, Нью-Рино, Фримонт, Лазарев-стрит

Офис паевого товарищества «Колонизационное общество «Русский Юг» оказался расположен в самом центре фримонтского даунтауна, на втором этаже дорого и стильно выглядящей кирпичной пятиэтажки. Зеленоватый немецкий кирпич, тяжелая дверь полированного дерева, начищенная бронзовая ручка... С одной стороны, возможно, какой-то смысл в этом и есть — вызывает у потенциальных переселенцев ощущение некой основательности всего предприятия. С другой — аренда, полагаю, влетает в нехилую копеечку, для этих денег нашлось бы куда более практичное применение. Ладно, Глебу виднее.

Что я тут делаю? Да так, побеседовать пришел. Разумеется, помню, что не собирался поначалу, но вот любопытно мне стало. Что-то темнит моя (ну потенциально моя) зеленоглазо-рыжеволосая красавица. Есть у МОРФ^[13] во всем этом деле интерес, зуб даю...

А? Мне-то что за дело? Мм... Да хрен его знает, честно говоря. Любопытно, вот и все. Опять же — возможно, этот самый интерес произрастает на денежных корнях, так что...

В солидно, со вкусом обставленной приемной меня встречает фигуристая (даже несколько чересчур) и брюнетистая девушка лет тридцати, что-то набирающая на компьютере.

— Добрый день! Чем могу вам помочь?

— Здравствуйте. Виталий Чернов меня зовут, я вам звонил с утра.

Брюнетка пару раз кликает мышкой, после чего с энтузиазмом кивает:

— Да-да, конечно. Добро пожаловать! Проходите, Глеб Михайлович у себя. По коридору, третья дверь слева.

Толстый ковер на полу, бронзовые светильники на стенах, пара картин... Широко живут будущие колонисты, ничего не скажешь.

Глеб, который Михайлович, оказался не один, а вместе с выступавшим на собрании геологом... забыл, как там его. Невысокий такой, загорелый, лысый и худощавый. Что-то объясняет красномордому бородачу, тыча карандашом в разложенную на столе карту Дальнего Юга. С моим появлением оба замолкают и с интересом смотрят на посетителя.

— Добрый день!

— Здравствуйте!

Хм, мы вдвоем, что ли, общаться будем? Ладно, пофиг в общем-то.

— Виталий меня зовут. Насчет колонии хотел разузнать, что да как.

Бородач мельком заглядывает в открытый ежедневник и кивает:

— Да, конечно. Прошу прощения, мы тут увлеклись немного. Вы со мной лично хотели бы побеседовать, или Игорь Дмитриевич тоже будет полезен? Он наш геолог, ну и вообще, исследователь.

Ну, скрывать мне нечего, почему бы и нет...

— Да, я помню. Был на собрании. Конечно, буду рад, если вы тоже останетесь.

Пожимаем руки, тут же решаем перейти на «ты» и располагаемся в углу, на удобных креслах вокруг низкого журнального столика.

— Я так понимаю, ты себя в качестве пайщика рассматриваешь, а не просто поселенца?

Ишь, шустрый какой. Сразу быка за рога.

— Да пока в качестве интересующегося рассматриваю. Но если решу, то — пайщиком. Вот, кстати, я выписку в банке взял, а то фриков много забегает, наверное.

Глеб кивнул, мол, хватает, быстро пробежал глазами по выписке и вернул ее мне. Кажется, интереса на его лице прибавилось.

— Раз на собрании был, о нас кое-что уже знаешь. Может, о себе тогда пару слов скажешь?

Логично. Все-таки тут практически «в разведку пойдем», можно сказать.

— Холостой. Прошел Ворота в этот сезон дождей, пожил немного в Порто-Франко, осмотрелся, уехал в Кейптаун.

Брови обоих слушателей немного подались вверх. Понятно, Кейптаун — направление для русских не очень типичное, мягко говоря.

— Там открыл зал игровых автоматов, поработал несколько месяцев, подвернулось выгодное предложение — продал. В Кейптауне надоело, поехал сюда, пока что думаю, чем заняться.

— Войнушка там у вас была недавно, я слышал?

— Была.

В подробности пускаться я не стал, собеседники намека поняли, и дальнейших расспросов не последовало.

— А на той стороне откуда?

— Да много где носило. В последнее время в Москве жил.

— Понятно... Я сам из Кировской области, десять лет уже здесь. Местных в смысле. Женат, пятеро детей, скоро, даст бог, шестой будет. Первые пять лет в Москве жил, но как вся эта херня пошла, с социализмом, перебрался сюда. Строительством занимался. Это, кстати, — он обвел рукой вокруг, — офис моей бывшей фирмы. Я его уже продал, с отсрочкой выезда. Так что не думай, будто мы тут паевые деньги транжирим.

А я, честно говоря, именно так и думал. Но признаваться в этом не стал, конечно, просто кивнул с глубокомысленным (надеюсь) видом.

«Географ», как я мысленно окрестил Игоря, подключился к разговору:

— А я с Урала. Разведен, сын есть, но взрослый уже. За ленточкой тоже геологом был. Двенадцать лет тут, начинал еще в Протекторате у «вояк». Амазонский хребет исследовал, западное побережье, низовья Амазонки. Сюда тоже пять лет назад перебрался, но в Нью-Рино только живу, а работал у латиносов в основном, ну и в Техасе. Один раз по заказу ВИХ, на северных отрогах Эльдорадо работал.

Надо же. Первый встреченный мной белый, бывавший в тех краях. Огромное, сильно расчлененное поднятие, ограничивающее продвижение халифатов и конго-дагомейцев на юг, покрыто совершенно непроходимыми джунглями, насколько я слышал.

— И как там?

«Географ» невесело усмехнулся:

— Хреново. Целый день надо прорубаться, чтобы сто метров пройти. Кое-что мы там нашли, но с такой доступностью толку от этого никакого. Потому и Мекка это дело свернула.

А сейчас правительству в Мекке и вовсе не до того, хе-хе. Они эти земли вообще больше не контролируют, там теперь черноармейцы рулят.

— ...кстати, сам же на Юге жил — ничего о наших будущих краях не слышал?

Ну, этот вопрос я ожидал, разумеется.

— Насчет Аустралиса — ничего. А вот об озерах, которые севернее, — слышал. Там негры бывают, в основном дикие старатели и те, кто их грабит. Но поселений нет вроде, только захаживают иногда.

Мои собеседники переглянулись.

— Точно?

Странный вопрос.

— Ну откуда же я знаю? Сам-то не бывал. Что слышал, то и говорю. Что бывают, хоть иногда — точно, иначе откуда бы они об озерах вообще узнали?

Игорь задумчиво кивнул:

— Ну да, ну да... А что добывают, не говорили?

— Алмазы вроде как.

Тут, конечно, я слегка лукавлю. Алмазы точно добывают где-то за южными границами Нигера и Конго, но вот где именно — понятия не имею. Сами «дикие копатели», по очевидным причинам, свои делянки предпочитают держать в тайне. Может, и в районе озер, а может, на Эльдорадо. В любом случае, о золоте из тех краев я не слышал, его севернее добывают, в уже более-менее обжитых местах.

— Алмазы... на Эльдорадо алмазы точно есть, значит, и южнее тоже... интересно...

Глеб перехватил нити управления разговором:

— Ладно, Игорь, хорош человека допытывать. Он нас расспрашивать пришел, а не наоборот. — И, повернувшись ко мне: — Какие вопросы есть, задавай.

«Их есть у меня», хе-хе.

— С Орденом какое-то взаимодействие есть, по поводу всей затеи? И вообще, обсуждали с ними? Какая реакция?

Глеб степенно провел ладонью по бороде. Я заметил, это характерный для него жест при задумчивости.

— С Орденом я, конечно, проект обсуждал. Даже в Порто-Франко летал, там у них северное отделение департамента колонизации. Реакция, в общем, равнодушная. Типа: «Вольному воля, хотите — переселяйтесь, мы-то тут при чем?» Думаю, они не очень верят в наши перспективы, считают, что будем маленьким поселением чудаков у черта на рогах, типа Фолькстаата.

Не могу удержаться от ехидной ухмылки. А что, ожидается что-то другое на ближайшие лет пять? Бородач мою реакцию мимо внимания не пропустил:

— Скорее всего, ближайшие два-три года так оно и будет. Но я верю в потенциал колонии. Тех, кто готов быть первым, всегда мало. Высадиться на диком берегу и начать строить все с нуля готов не каждый. А вот когда уже хоть что-то там появится, тогда народ потянется, уверен.

Ну, возможно, возможно. Вот только какой именно народ — это вопрос, знаете ли.

— То есть отделение там Орден открывать не будет?

Глеб помотал головой:

— Пока что нет. Они даже в Фолькстаате не открыли, хоть он уже несколько лет существует, и народу там тысячи три, кажется. Мне практически открытым текстом сказали, что сейчас приоритет — это Калифорния и Индийский Союз, все ресурсы идут туда, все остальное — за счет самих желающих. Так что мешать Орден не будет, но и помогать — тоже.

— Ясно... Тогда встает вопрос — как будет поддерживаться сообщение колонии с миром? Даже в Пуэнт-Руж коммерческое судоходство только-только начинается, хотя туда от Порт-Дели около полутора тысяч километров идти. В Фолькстаате его вообще нет, раз в пару месяцев судно с переселенцами придет, и все. Потому они там и живут натуральным хозяйством, практически как в девятнадцатом веке. А до колонии от Фолькстаата еще пять с лишним тысяч на юг до устья по морю, и потом вверх по реке тысячи три-четыре

подниматься...

На лице бородача появилось упрямое выражение, столь типичное для буров. Откуда он там, говорил? Вятка? Ну да, среди вятских тоже упертых хватает, это у них еще от новгородских ушкуйников осталось.

— Ничего страшного. Все колонии так создавались в свое время. Небольшая изоляция будет даже полезна — внутреннее производство разовьется.

Э-э... «внутреннее производство» чего, стесняюсь спросить? Машин? Электроники? Современных медикаментов? Может, тогда уж и фотонных звездолетов, чтоб два раза не вставать? Видимо, мысли эти явно отразились на моей физиономии, потому как Глеб с некоторым раздражением поморщился:

— Слушай, понятно, что будет трудно. Было бы это легко — давно бы уже всю Новую Землю заселили, еще в первые десять лет. Вопрос в том, готов ты немного потерпеть, чтобы ты и твои дети стали элитой в русском национальном государстве. Нормальном, а не том извращении, что они в Демидовске строят.

Примирительно поднимаю ладони:

— Да ты не кипятись. Сам же сказал — задавать вопросы. Вот я и задаю. А уж готов или нет — пока не решил.

Глеб, чуть остыв, продолжил:

— У нас есть большое преимущество, если сравнивать с Фолькстаатом. Какой у них демографический потенциал? Пятнадцать тысяч на этой стороне и три миллиона на той? А русских только здесь, в Нью-Рино, тысяч восемьдесят. Всего на Севере, не считая Новороссию, под триста будет. В Новороссии два миллиона. Там тоже далеко не все порядками довольны: будет нормальная Россия, без социализма, — многие уедут. А на той стороне вообще сто сорок миллионов. И ситуация там, насколько я слышал, не сказать чтоб лучше становилась?

Киваю. Что есть, то есть. Северные пушные зверьки массово мигрируют и в Эрэфию, и в прочие ошметки России.

— Ну вот. Сравни сам цифры. Нам, главное, начать и продержаться год, а там народ поперет.

Может, и так... А может, и не так.

— Что, если не тот народ поперет? Не русские в смысле. Тут, насколько я понимаю, желающих получить свой анклав хватает, от тайцев до армян.

— Главное, побольше людей сразу набрать. Создадим несколько поселений в самых выгодных местах, свою власть установим, а там и анклав создадим, и уже сами будем решать, кого пускать, а кого нет. Фолькстаат же статус получил в прошлом году. Три тысячи человек, а тогда вообще две с копейками было, и ничего — полноценный анклав, заняли почти тысячу миль побережья, Орден признал. Так они и продолжают вдоль берега на юг и север расширяться потихоньку, вглубь не идут, людей не хватает.

Ну, почему Орден признал — это понятно как раз. Буры к себе чужих не особо принимают, а самих их мало. Учитывая, что они заняли, грубо говоря, полоску земли от Салвадора до Рио-де-Жанейро (ну, если аналогии брать, по расстоянию и климату), то Ордену очень даже удобно признать эту райскую территорию собственностью Фолькстаата. Сами буры будут ее еще черт знает сколько развивать, а вот никого другого туда не пустят. Да и расширяют границы вдоль берега, перекрывая прочим желающим путь вглубь континента.

Высказываю все это вслух, мужики согласно кивают. Глеб вставляет:

— Все так, но смотри — с нами практически такая же история получается. Репутация у русских не очень, особенно на той стороне. Здесь-то уже попривык народ, а вот новенькие шарахаются прямо. Так что большого потока нерусских переселенцев к нам в любом случае сразу не будет. Просто побоятся ехать. А потом мы уже анклав создадим — и всё. Кто и приедет — ассимилируем, не проблема. Администрация русская, школы русские, бизнес русский, СМИ русские — главное, это все быстро создать, и тогда нам сам черт не брат. Кстати, я думаю, Орден и нас как вторых буров рассматривает. Иначе бы смогли палки в колеса вставить, с их-то возможностями. Думают, пара тысяч переселится, закроем речной путь для всех остальных и будем коровам хвосты крутить. А потом, когда Орден на Дальнем Севере все вопросы порешает, он и нас и буров прогнет, как уж там ему вздумается. Вот только насчет нас они не угадали. Мы — русские!

Блин, ты еще «Боже, царя храни!» затяни. Глеб, впрочем, сам понял, что с патетикой малость переборщил, и заметно смутился:

— Ну как-то так, в общем. Конечно, вполне может быть, что я ошибаюсь, а Орден прав. И получится у нас второй Фолькстаат. Но в общем-то и это будет не так уж плохо. В любом случае выйдет нормальная Россия, хоть и небольшая.

Неплохо-то неплохо, только вот жить там будет не слишком комфортно, сдается мне.

— Ладно, что-то мы в заоблачные выси какие-то улетели. Давай к конкретике. Когда именно переселение, на что деньги пойдут, сколько человек уже готовы?

Здоровяк с готовностью перешел к практическим вопросам:

— Значит, смотри. Переселяться будем в сезон дождей, через три месяца. По нескольким причинам. Во-первых, на Дальнем Юге весна как раз. Во-вторых, на этот период дешевле зафрахтовать корабли, они же все равно в портах торчат...

Вообще-то, как объяснял мне лейтенант-коммандер Иванофф, «корабль» — это когда военный, а если гражданский, то «судно». Но, пожалуй, не стоит умничать.

— В-третьих, мы раньше всех спохватились, сразу после опубликования доклада, но постепенно и другие раскачаются. До сезона дождей уже никто не успеет, кроме нас, а так получим четыре месяца форы.

Киваю. Все логично, не подкопаешься.

— По количеству — на сегодняшний день свои паи оплатили шесть человек. Еще два десятка думают, вроде тебя. Это пайщики. Насчет переселенцев точно сказать труднее — они же свои деньги не вносят, так что могут передумать в любую минуту. Где-то сорок — сорок пять семей твердо собираются переселяться, по моей оценке. Это чуть меньше двухсот человек. Точно уверен в половине, они уже имущество распродают потихоньку. Интересующихся — раза в три больше. Работаю над привлечением, послезавтра еду в Терехино, на следующей неделе — в Нью-Галвестон, оттуда — в Форт-Линкольн.

— Э-э...

— А, ну да. Ты же у нас тут, на северах, человек новый. — Бородач широко улыбнулся. — В Нью-Галвестоне и Форт-Линкольне — большие русские общины. А Терехино — деревня старообрядцев, в верховьях Баффало-Крик.

Хм... не то чтоб я имел что-то против старообрядцев как таковых, но насколько разумно их в больших количествах привлекать на раннем этапе? Народ они хозяйственный и трудолюбивый, конечно, но очень уж себе на уме, как бы за свои же деньги сепаратизм не привезти... Высказываю опасения вслух, Глеб задумчиво поглаживает бороду:

— Опасения здравые, но сомневаюсь, что удастся их привлечь в таких количествах, что

это составит проблему. Пару-тройку семей — максимум, думаю. В любом случае последнее слово всегда остается за нами: кого не захотим — просто не возьмем.

— Ясно... А нерусские не просятся пока?

— Есть такие. Двое среди потенциальных пайщиков, ну и среди переселенцев интересующихся тоже есть.

— Будете принимать?

Здоровяк пожал широкими плечами:

— Посмотрим. Зависит, кто именно и в каких количествах. Да и не я же один решаю, а все пайщики. Думаю, тех, кто более-менее владеет русским, стоит брать, если белые. В принципе, если всего одна семья, можно и не владеющих — выучат. Несколько семей — уже не стоит, отделятся и свое поселение создадут. А вот азиатов — на фиг. Тут уже приходили и китайцы и кхмеры какие-то, мы всех сразу завернули.

Это правильно...

— Вообще, по переселенцам я не сильно переживаю, сотни три наберется, уверен. Больше пайщики волнуют — деньги нужны уже сейчас, и много.

Удивил, ага. Деньги — такая штука, они всегда «нужны, и много».

— На что пай пойдут?

— Ну, перво-наперво на корабли. Даже в «мертвый сезон» влетит в копеечку. Предварительные договоренности уже есть, получается двести — двести десять тысяч за один. Для животных — отдельный корабль, а то и два. Плюс будет нужен танкер — без него туда-обратно не дойдут, да и нам горючка на месте понадобится. Танкер уже оплачен, триста тысяч, и это не считая топлива. Документы, кстати, все есть, можешь посмотреть, а то некоторые все еще думают, что это «панама» очередная...

— Посмотрю.

Вообще, конечно, оплата фрахта никаким доказательством серьезности намерений не является. Более того, она как раз вполне может быть методом вывода средств. Но посмотрю, чего ж не посмотреть-то...

— ...грубо говоря, один пай — это фрахт одного корабля. Плюс еще один на всех сверху размазать, чтобы добить. И это еще без прочих общих расходов. Для того чтоб все было нормально, нужен один пайщик на пять семей переселенцев. Будет меньше — придется ужиматься. Минимум — один на восемь. Если не хватит — придется часть переселенцев отсеять.

— А какие еще общие расходы будут?

— Хватает. Медпункт со всем оборудованием, два доктора и дантист. Зарплату им тоже придется из паев платить первые несколько лет, по-другому не получится. И платить нормально: тут медики хорошо зарабатывают, попробуй их еще уговорить за тридевять земель ехать. Школа и пара учителей — аналогично. Дети есть почти у всех, если школы не будет — никто не поедет.

Основательно к вопросу подходит, молодец. Насчет дантиста я и сам подумал, а вот о школе — нет. Ну я-то пока потомством не обзавелся, а у него шестой на подходе уже.

— Вооружение. Временную лицензию у Ордена я уже получил, так что можно будет спокойно здесь купить все нужное и везти в Билокси, грузиться там будем.

— Что брать хочешь?

Очередное движение широких плеч:

— Да без фанатизма... Тяжелые пулеметы, минометов пару, пушку какую-нибудь.

Боевать-то не с кем там, это так, на всякий пожарный.

— Мм...

— Не согласен? Ты вообще в этих делах как? А то у нас среди пайщиков пока бизнесмены в основном, один только в оружии разбирается.

— Ну не сказать, что великий специалист, но немного понимаю. Был опыт... э-э... всякий.

Глеб с энтузиазмом закивал:

— Ну вот, видишь! Подскажешь, если что.

Охмуряет, хе-хе? Вот уж не поверю, что не получил консультацию от куда более сведущих, нежели я, людей.

— ...ну и все прочее — радиостанцию мощную, технику кое-какую, оборудование...

М-дя, а я-то еще думал, что двести пятьдесят тысяч — многовато будет. Какое там, еще и не хватит...

— А где вообще селиться-то планируется?

— Окончательно совет пайщиков решит, уже ближе к отплытию. Наметки есть, конечно... — И он повернулся к Игорю, с готовностью принявшему подачу:

— Основных районов два. Первый — у впадения Гискара в Аустралис. Климат уже достаточно теплый, средний минимум температуры самого холодного месяца, судя по всему, выше нуля. Немного засушливо, но много рек, текущих с западных гор, ирригация проблем не составит, можно выращивать все, от пшеницы и картошки до винограда и оливок. К северо-востоку, вверх по Гискару — идеально для пастбищного скотоводства. Ну и речной транспорт по трем направлениям: север, юг, северо-восток.

— Типа Мендосы в Аргентине?

Игорь посмотрел на меня с любопытством:

— Ага, типа того. Бывал?

— Бывал. Хорошо там.

Подтверждающий кивок:

— Конечно. Было бы плохо — не ехали бы. Из минусов — геологоразведка местности практически не проводилась, что там есть и есть ли вообще что-то — мы не знаем. Железная руда выше по течению Гискара — интересно, но, скорее, на перспективу. Леса в регионе мало, если использовать его для строительства и топлива — сведем в момент. Нужен уголь хотя бы. Есть леса на западе, в горах, но встает вопрос с транспортировкой. Как вариант — заготавливать в Бордер-Маунтинс и сплавлять по Аустралису.

— А второй вариант?

Загорелый «географ» откашлялся и ткнул пальцем в карту чуть ниже ущелья, прорезанного Аустралисом в горах.

— Здесь. Климат плюс-минус как в Нью-Рино, чуть пожестче...

— Это как?

— Ну... если Аргентину знаешь — Гран-Чако примерно. Конкретно, где собираемся селиться — типа Бахо-Чако.

Хе-хе. Не, там я не бывал, но кое-что слышал. «Пожестче», ага.

— Это которое «Зеленый Ад», что ли?

Игорь с некоторым раздражением отмахнулся:

— Это в восемнадцатом веке назвали. Тогда думали, что и в Штатах на Великих равнинах жить нельзя, а сейчас там главная житница. И в Чако, кстати, сельское хозяйство

процветает. Зато есть лес, уже найдены уголь и полиметаллы, в горах можно сразу мини-ГЭС ставить. Для сельского хозяйства опять же прекрасно подходит. Я лично буду второй вариант рекомендовать.

— А два поселения не рассматриваете? Кто хочет — туда, кто хочет — сюда.

Ответил Глеб:

— Рассматриваем, и это даже предпочтительнее. Но зависит от того, сколько желающих мы в итоге наберем и сможем перевезти. Если меньше трехсот — думаю, разделяться было бы нецелесообразно.

Хм...

— А как вообще вы себе все это на практике представляете? Вот приплыли на место, а поселенцы и говорят — большое спасибо, дальше мы сами, а своим уставом и исключительными правами пайщиков можете подтереться. После чего разбредаются по окрестностям. И что тогда?

Потенциальный отец-основатель Русского Юга задумчиво пригладил бороду:

— Не думаю, что так получится. Товарищество официально зарегистрировано по законам Территории, устав колонии в Ордене регистрируем. Со всеми переселенцами подпишем договор. Люди обычно следуют общим правилам автоматически, принуждать их не надо. Да и мы же никакими диктаторами там становиться не планируем. Вполне логично — кто оплатил переселение остальных, имеет право отбить деньги в первую очередь. Причем никаких налогов в первые два года не будет, общие расходы колонии покрываются за счет паев. В любом случае — казна у нас, общее имущество у нас, Орден признает нас. Если кому-то хочется жить самому по себе — не вопрос. Возмещает стоимость своей перевозки, можно в рассрочку, мы же не звери. Удаляется на двенадцать миль от колонии и может делать там, что ему заблагорассудится. Вот только зачем кому-то демонстративно посылать нас на хрен, если мы и так никому не собираемся мешать? Хочет человек построить отдельную ферму подальше от всех — пусть строит, мы еще и поможем. До тех пор, пока он устав колонии признает и соблюдает — никаких проблем. Короче, не думаю, что будут большие сложности в плане администрирования. Люди займутся своими делами, им не до интриг будет.

А вот это черт его знает. Люди — существа странные, от них всего можно ожидать. Вон Элен хоть вспомнить. Э-хе-хех...

— То есть свой тройной участок земли можно получить и за пределами двенадцатимильного радиуса?

Оба собеседника посмотрели на меня с несколько настороженным интересом. Глеб отозвался первым:

— Ну... вообще, строго говоря, нет. То есть взять-то можно и хозяйствовать тоже, но формально колония участки свыше орденских норм на неосвоенных землях раздавать не может. Так что теоретически кто-то вполне может на одной трети этой «твоей» земли обосноваться, и решать вопрос придется... внеюридическими методами. С другой стороны, можно в договор внести, что никто из переселенцев и пайщиков так делать не будет, а потом, когда анклав создадим, все это уже официально узаконить. В любом случае земли-то там немерено, не думаю, что возникнут проблемы.

— Это как посмотреть, хе-хе. Земля земле рознь.

Игорь, чуть прищутив зеленовато-карие глаза, подхватил мысль:

— Конечно, если там вдруг золото или алмазы окажутся...

Он сделал паузу, но я на провокацию не поддался, и «географу» пришлось продолжать самому:

— ...тогда могут возникнуть сложности.

Кто бы сомневался. Впрочем, стоит ответить, а то вобьют себе в голову невесть что.

— Если там *вдруг* найдутся алмазы и золото, на всей затее с *русской* колонией можно ставить крест. Сразу столько всякого народа набегит, что мы растворимся. Да и землю тогда черта с два сохранишь, я уж не говорю о тройном наделе. В любом случае нет у меня никакой инфы о золоте и алмазах, так что не надо так многозначительно переглядываться.

Бородатый и лысый опять переглянулись, правда, на этот раз несколько смущенно. Глеб кивнул, мол, верим, и поинтересовался:

— Хорошо. А зачем тогда тебе участок за пределами колонии?

— Да мало ли. Может, вы на север пойдете, а мне южный вариант больше нравится. Обоснуюсь, землю самую лучшую подберу, найму нескольких работников, виноградники начну разбивать потихоньку. Это для примера. Или по дороге где-нибудь место приглянется, для будущего города. Всякое бывает, короче.

А потом на этой приглянувшейся земле случайно найдутся асфальтовые озера и нефть, например. Случаются же такие случайности? Случаются.

— Ну да... в общем, по этому поводу все сказал уже, добавить нечего. Особых проблем не вижу.

А вот я вижу.

— Еще вопрос — а этот тройной надел частями можно получать или только единым куском?

Опять переглядываются. Не насмотрелись еще друг на друга, что ли?

Игорь осторожно ответил:

— По идее можно тремя кусками, по одному гомстеду. Иначе получается противоречие с орденскими правилами, которые в самом начале колонизации устанавливались. Но в общем-то никто там за их соблюдением особо смотреть не будет, кроме нас же самих. Орден же это все придумал не для того, чтоб пытаться что-то контролировать, а чтоб постоянных войн за землю избежать. Когда люди знают, что есть некие правила, они реже за оружие хватаются.

Ну это понятно. Вот только...

— Если кто-то еще начнет создавать там поселения, в спорах с ними придется именно правилами Ордена руководствоваться, так?

Два кивка. Глеб пару секунд задумчиво пожевал губу, после чего выдал заключение:

— Мутішь ты что-то, Виталий.

Мучу́, разумеется. А как без этого? Пожав плечами, отбреживаюсь:

— Да что тут мутить-то? На хрена мне три квадратных мили виноградников, например? А так, взять участок для виноградника, участок для пастбища и еще один на берегу, под строительство и сады — совсем другое дело.

— Ну... логично, да. — Если у Глеба какие-то возражения и есть, то он решил оставить их при себе и не педалировать тему. Спугнуть боится, хе-хе? — Так что решил? Присоединяешься к нам?

— Буду думать. Как что надумаю — сообщу.

Честно говоря, не уверен пока, что это стоящая затея. Заманчиво, но... А вот интерес к ней товарищей троцкистов, кажется, стал немного понятнее.

Свободная территория Невада и Аризона, округ Льюис-энд-Кларк, стрельбище «Додж-Сити»

Банг!

Мишень на рубеже в тысячу ярдов без лишней спешки легла на землю, подумала несколько секунд и еще более неспешно поднялась обратно.

— Ну вот, а врал, что стрелять научился. — Ехидность Ичасо за проведенные нами на стрельбище сорок минут уже почти достигла отметки, за которой я начну раздражаться.

— Попал же.

— Ага. С третьей попытки. Снайпер! Свои курсы точной стрельбы не думал открыть? Назовешь «Третья пуля», ха-ха.

Блин. Вот же язва. Можно, конечно, было бы указать, что дует весьма приличный ветер, порывистый к тому же. Но, во-первых, поза оправдывающегося мне уважения в ее глазах явно не добавит, а во-вторых — тот же самый ветер никак не помешал рыжей вредине тремя выстрелами положить мишени на пятистах, семистах и тысяче ярдов. И это при том, что у нас обоих семисотые «Ремингтоны», причем мой — калибра.338 LM^[14], а у нее — 7,62. Не российского образца, конечно, а.300 RUM^[15], но все-таки. В общем, оправдываться смысла нет, так что молча пожимаю плечами и встаю с мата.

Ичасо, уловив что-то присущим рыжеволосо-зеленоглазым ведьмам чутьем (ну или банально прочитав у меня на физиономии), не стала продолжать подколки, вместо этого на секунду прижавшись ко мне сильным, гибким телом и чмокнув куда-то между лбом и щекой. О как! Что-то новенькое...

— Я уже настролялась! Теперь обедать хочу!

— Вот-вот. Прикрываешься голодом, чтобы спастись от моей неминуемой победы и своего позора.

Заметив вновь разгорающееся в зеленых глазах ехидство, поспешно капитулирую:

— Но, разумеется, кабальеро не может оставить даму голодной, так что пойдем есть. Или поедем?

— Поедем. В здешнем ресторане, кроме стейков, ничего нет, а я их редко ем. Ты, кстати, почему машину до сих пор не купил? Кабальеро^[16] не может быть безлошадным. Да и вообще... — меня смирели скептическим взглядом, — кабальеро из тебя какой-то не очень...

Ну вот, приехали.

— Чей-то вдруг? Может, это я запылится малость и проголодался. А отмыть меня, покормить и расчесать — очень даже из меня кабальеро. При правильном освещении если. И вообще, кто тут меня слюнявить только что лез?

В зеленых глазах вновь затанцевали чертики:

— Ах, вон ты как заговорил? «Лезла слюнявить»? То есть кабальеро не только безлошаден и не умеет стрелять, он еще и обращению с дамами не обучен?

Смущенно развожу руками — грешен, мол.

— В добрые старые времена таких «кабальеро» пороли на конюшне.

Горячо киваю, сделав максимально похотливое лицо:

— Это можно обсудить!

Рыжая бестия громко фыркает:

— Ага, размечтался!

М-дя... вот как-то так и общаемся.

Блин, жарко сегодня. Вообще, строго говоря, погода в Техасе и Конфедерации — как раз тот самый «Зеленый Ад» и есть, о котором мы с Глебом и Игорем говорили. Но, как было справедливо замечено, после приложения определенных усилий жить в таких условиях можно, и даже вполне комфортно. Уж всяко лучше, чем в оставшейся за ленточкой Москве. С другой стороны, название-то не зря появилось. Пока эти самые усилия приложишь, столько всякого нахлебаешься, что сам не рад будешь. Это если вообще доживешь.

Ичасо возвращается к первоначальному вопросу уже в машине:

— Так чего безлошадным-то ходишь, кабальеро?

Пожимаю плечами:

— Да еще не решил — здесь останусь или подамся куда... А если буду переезжать, то машину либо продавать, либо перегонять — лишние хлопоты и расходы. Мне пока и без машины неплохо.

— А куда ты собрался отсюда? Я думала, тут самое место для твоего бизнеса.

Ишь, любопытная какая. Или просто светскую беседу поддерживает?

— Не знаю... конкуренция здесь высокая. С голоду не умрешь, конечно, но и пробиться наверх сложно, мягко говоря. Плюс еще «семьи» эти... не люблю я бандитов.

Басконка, убрав обе руки с руля, делает презрительный жест. Блин, вот нервничаю я, когда кто-то так делает.

— Да какие это бандиты. Обуржуазились уже, костюмы надели с галстуками. Настоящих бандитов здесь давно нет.

Недолго помучившись в попытках выудить из памяти испанское название шуки, обращаюсь к внутричерепному файлохранилищу с языком Шекспира. Блин, надо же, на английском тоже не помню. Ладно, заменим на акулу. Она даже лучше. Ну, зубастее в смысле.

— El tiburn fue comido, pero sus dientes permanecieron^[17].

В испанском аналогичной пословицы нет (ну или я ее не знаю), но Ичасо сообразила тут же. Умная. И жутко сексуальная, э-хе-хех. Что-то мне подсказывает — сегодня опять не выгорит.

— Да, снять шкуру до костей и сейчас могут. А если не здесь, то куда?

— Не знаю. Думаю пока.

— Насчет Дальнего Юга думаешь, что ли?

Блин, вот же доставучая. Сказал ведь рус... испанским языком — не решил еще. Чего мозг выносить?

— В том числе. Но пока не уверен, что это все не «панама».

Так и не вспомнил, как на испанском «мошенничество». Надо спросить у кого-то. Но не у Ичасо, а то она снова подкалывать начнет. Кстати...

— А Марк этот твой что думает? Поедет на Юг?

Зеленые глаза покосились на меня с явной иронией:

— Марк не *мой*, он сам по себе.

Ну, приятно слышать.

— ...говорила, он просто из интереса забрел, случайно. Не собирается он ни на какой Дальний Юг, что ему там делать?

Ну я откуда знаю? Мало ли какие планы могут быть у человека. Владельцем ранчо там

решил заделаться или виноградаря. Высказываю мысль вслух, на что получаю в ответ искренний смех:

— Марк? Да ни за что на свете. Он живет Борьбой!

Как-то она ухитрилась эту самую «Борьбу» с большой буквы произнести. Революционерка, чтоб ее...

— ...сам-то что там делать будешь? Как-то ты не похож на человека, привычного к физическому труду.

Что есть, то есть. Окоп отрыть — и то мучение.

— Ну мало ли кто к чему непривычен. По крайней мере, там все с нуля будет создаваться, и есть шанс занять место в первом ряду. А здесь только в задних остались, да и там тесновато.

— В аристократию метишь?

Ирония настолько густая, что, кажется, ее можно пощупать в воздухе. М-дя, точно, не выгорит сегодня ничего. А жаль.

— Почему бы и нет? Только не говори, что у тебя самой амбиций ноль. Не поверю.

— Я такого и не говорю. Конечно, у меня есть амбиции. Только они направлены на борьбу за правое дело, а не свой кошелек, как у тебя.

Ага, ты мне еще лекцию прочитай. Дело у тебя, кстати, не правое, а левое, хе-хе.

— Не стоит делать о человеке скоропалительные выводы.

Не знаю уж, согласилась Ичасо с этой нехитрой мыслью или по какой-то причине решила со мной не ругаться, но спорить она не стала.

— Ты сама-то чем занимаешься тут? А то мы все обо мне да обо мне.

— Да так...

— Да как?

Не все же мой мозг выносить, я и сам умею заколебывать. Раз уж надежды на эротическое продолжение дня явно бесплодны, может, хоть что полезное узнаю. Ичасо строго поджала губы:

— Собираем деньги и добровольцев для Муйнака.

— Для кого?

— Не «кого», а «чего». Муйнак — столица АНДР.

А, точно, вспомнил. «Товарищ Хорхе» что-то такое рассказывал на той лекции в Порто-Франко, на которой, собственно, мы с Ичасо и встретились.

— Это те, что исламокоммунизм в Атласских горах строят?

Скрывать иронию я даже не пытаюсь, на что рыжая революционерка явно хочет ответить резко... но удерживается почему-то.

— Да, те самые.

Хм... странно.

— И как собирается, хе-хе?

Видя, что девушка на грани взрыва, поспешно добавляю, стараясь имитировать максимальную искренность:

— Не, мне правда интересно. Просто как-то Нью-Рино не похож на то место, где коммунистические идеи будут популярны.

— Это потому, что ты не смотришь по сторонам и не думаешь головой, а заиклился на своих кошельке и желудке.

Ну прям-таки заиклился. Я, может, тоже за высокие идеи, и все такое, ага. Когда есть

что в тот самый желудок закинуть. Правда, представление о «высоких идеях» у нас, боюсь, не совпадает от слова совсем.

— ...больше всего несправедливости, там и больше всего людей, готовых с ней сражаться. А где на Севере больше несправедливости, чем здесь?

О как. Уела, ничего не скажешь.

— Да черт его знает. Я, кроме как тут и в Порто-Франко, нигде на Севере и не бывал. Но, судя по рассказам, в том же Латинском Союзе народ живет куда как беднее, чем здесь, разве нет?

Помнится, она рассказывала, что у латиносов бывала.

Ичасо нерешительно пожевала губу. Как-то непривычно применять к ней слово «нерешительно», хе-хе.

— Да, но... там меньше именно *несправедливости*. Она же не от абсолютных показателей зависит, а от сравнительных. Здесь все построено вокруг денег и власти, это прямо напоказ выставляется, этим гордятся. В Латинском Союзе живут намного беднее, да, но там правительство думает о народе, о бедных, о тех, кто не может сам о себе позаботиться.

Ага. Правительство думает о народе, поэтому народ живет куда беднее, чем другой народ, который думает о себе сам. Классика.

— ...в курсе, что в Нью-Рино нет ни пенсий, ни пособий, ни бесплатной медицины — ничего такого? Если у тебя нет денег и ты заболел — можешь сдохнуть на обочине, властям наплевать.

— А я вроде как видел благотворительную клинику какую-то — она же бесплатная, наверное?

Фурия революции пренебрежительно отмахнулась:

— Это кто-то по своей инициативе организовал. Те, кто нагребил миллионы, бросают жалкие подачки, чтобы успокоить свою «совесть». В любом случае погоды они не делают.

«Нагребил», видите ли. Нагребил — идите в суд. Или сами его организуйте, если сможете. Опять же — всегда можно уехать, если что-то не нравится. Вот только по какой-то странной причине никто из «несправедливого» Нью-Рино в «справедливый» Латинский Союз не рвется. Наоборот, Баррьо-Бронсе растет, как на дрожжах, скоро Чайнатаун обгонит, как мне говорили. Да и миграционный баланс между Фримонтом и *Социалистической Республикой Новороссия* совсем не в пользу последней, хе-хе.

Немного задумавшись и подобрав слова, рассказываю анекдот о внучке декабристов в 1917 году. Ну, знаете, заканчивается на: «...хотят, чтоб не было богатых. Странно, а дедушка хотел, чтоб не было бедных». Увы, впечатления анекдот не произвел: Ичасо лишь хмыкнула и вновь уставилась на дорогу. Куда это мы едем, кстати? На юго-восток куда-то, полгорода уже проскочили.

Ладно, что толку обсуждать. Никто никого не переубедит, только разругаемся вконец. А я еще не совсем утратил надежду на эротическое продолжение знакомства...

— Слушай, вот ты Латинский Союз хвалишь. Не, я в курсе, что там левые в гражданской войне победили, но мне казалось, они для вас недостаточно левые. «Буржуазные перерожденцы» типа, не?

Что? Да нет, конечно, черт его знает, как там по-испански правильно сказать «буржуазные перерожденцы». Приходится импровизировать: «Se han convertido en la burguesía», и все в таком духе. Еще несколько «подкатов» к Ичасо, и смогу на языке

Сервантеса политические диспуты вести. Не то чтоб оно мне было сильно надо, правда.

— Да, они отошли от идеалов революции. Но все-таки они лучше, чем те, кто заправляет здесь.

М-дя... «Отошли от идеалов революции», понимаешь. Вот если политики не касаться — замечательная девушка, веселая и остроумная. Чуть коснись — и куда только все уходит? Китайский болванчик какой-то остается.

— Понятно. Куда едем-то? Почти весь город уже проехали.

Снаружи мелькают живописные улочки зажиточной части Баррьо-Бронсе.

— Почти приехали. Тут отличный мексиканский ресторанчик, мне очень нравится.

— Хм...

— Что такое? Не любишь мексиканскую кухню?

— Мексиканскую кухню я люблю. Не пойму просто, как ты, с такими кулинарными пристрастиями, умудряешься себя в форме держать.

Улыбаясь, пожимает плечами:

— Спорт и секс; как же еще?

— Это ты хорошо придумала, горячо одобряю...

— Ага, горячо одобряет он. Косоглазие не заработай, когда на мою задницу таращишься.

— Ничего страшного. Заработаю — буду в Чайнатауне за своего. А там и аренда дешевле, и от игровых автоматов местных за уши не оттащишь.

Свободная территория Невада и Аризона, Нью-Рино, Фримонт, Аракчеев-стрит

Пена рванулась вверх, к краям медной турки, но я начеку — хватаюсь за деревянную ручку и быстро разливаю кофе по кружкам. Теперь ложку сахара, молоко и немного коньяку...

— Кабальеро решил сварить сеньорите кофе?

Ичасо, одетая в мою футболку, появилась в дверях кухни, заспанно щурясь и с демонстративным интересом втягивая носом воздух.

— Ага. Даже планировал подать его в постель, но сеньорита прибежала на запах. Тебе без молока и три сахара?

— Наблюдательный...

— А то... Ай! Че кусаешься?!

— Чтобы не расслаблялся!

— С тобой расслабишься... всего вон разодрала. — Демонстрирую укусы и царапины, обильно покрывающие... э-э... да всего меня целиком в общем-то.

— Вот и не расслабляйся. И вообще, это я игриво. Кабальеро не знает слова «романтика»?

— Это уже не романтика, а БДСМ какой-то... Ай! Сейчас-то за что? Я же хороший! Кофе сварил!

— Чтоб не ворчал. А, кроме коньяка, у тебя ничего нет?

— Чего сеньорита желает?

— Сеньорита желает каплю виски в кофе...

— Это можно.

— ...завтрак...

— Уже в процессе, — киваю в сторону накрытой крышкой сковородки на плите.

— ...и бурного утреннего секса вот на этом столе! В любом удобном кабальеро порядке,

но чтобы секс был прямо сейчас, а завтрак — потом.

В фоновом режиме проскальзывает мысль, что несчастная кухонная мебель на такое не рассчитана и может не выдержать, но руки уже сами по себе подтягивают девушку поближе, мягко обхватывают ее за плечи, разворачивают и подталкивают к столу...

...

— Ой, а что это?

Ичасо, до сих пор взлохмаченная и раскрасневшаяся после первого пункта программы, отхлебнула еще глоток кофе и с интересом уставилась на тарелку.

— Это... мм...

Блин, как «сырники» на испанском?

— Что за «мм» такой? Получил что хотел, теперь отравить меня хочешь?!

— Ай!!! Да что ж это такое-то?! То кусается, то царапается! И это в ответ на мои любовь, искренность и кофе с виски!

— Ты мне зубы не заговаривай! Чем травить собрался?

— Это блинчики из творога, с медом и изюмом. Ну или со сметаной можно, если хочешь.

Баскская революционерка с явным скепсисом потыкала пальчиком в один из сырников. Что именно она данным органолептическим методом пытается установить? На отравленность так точно не проверишь.

— А нормального завтрака у тебя нет?

Ну вот, начинаются капризы. Э-хе-хех, как там моя Элен в своем Кутаиси... или куда она там уехала? Китами... Кимати, точно! У нее таких взбрыков не было.

— А что для тебя «нормальный завтрак»? И чем этот не нормален? Ты ведь даже не попробовала. Это вкусно!

Ичасо недоверчиво хмыкнула:

— Нормальный завтрак — это тортилья^[18], например. Или фруктовый салат и круассаны с джемом. Ладно, попробую твои сырные блинчики.

Это типа одолжение, что ли? Эх, старый добрый рабовладельческий строй, когда же тебя восстановят...

Несмотря на первоначальную настороженность, басконка в темпе умяла три своих сырника и еще успела отобрать один у меня. Что, впрочем, не помешало ей пожелать: «В следующий раз лучше яичницу с беконом сделай, если готовить не умеешь».

— С какого это перепугу я вдруг «не умею готовить»? Вот привяжу тебя ночью к кровати и буду пороть по твоей красивой попе, пока не признаешь, что мои завтраки — самые вкусные на свете! Или сам кусаться начну!

— Тебе кусаться нельзя.

— Почему это? Ты же кусаешься!

— Мне можно. Ты толстокожий, на тебе все быстро пройдет. А у меня кожа нежная, буду потом месяц с твоими укусами ходить.

— Зато все будут видеть, что у сеньориты есть зубастый кабальеро. И ни фигя я не толстокожий, а нежный и чуткий. В душе.

— Как бы этому зубастому зубы-то не выбили. А насчет души — в следующий раз вскрыю тебя, посмотрю, какая она там у тебя. И есть ли вообще.

— Не согласный я так!

— Кто бы тебя спрашивал. И вообще, хватит тут рассиживаться. Мне через час нужно

выходить, а я еще душ не принимала.

— Ну-у... принимай...

Ичасо снисходительно вздохнула:

— Витали, до чего ты глупый иногда. А сексом я в душе с кем буду заниматься? Сама с собой, что ли?

Вот как-то так. Сам офигеваю. Этак скоро надо будет устриц на завтрак и ужин есть. Ну или что у них тут за природный афродизиак?

Свободная территория Невада и Аризона, Нью-Рино, Фримонт, Лазарев-стрит

Мм... нет, все-таки этот район для игрового зала не подходит. Проходимость есть, но «не та». Ну, я уже на примере «Краснопресненской» и «Орехово» объяснял, помнится. Людей с деньгами тут хватает, но они не отдыхают, а работают. После восьми вечера даунтаун вымирает. Надо где-то в районе бульвара Александра Второго искать — народ отдыхает и развлекается там. Вот только нормальное помещение в тех краях найти — проблема, мягко говоря. Ладно, будем искать...

Что? Да нет, никаких окончательных решений пока не принимал. Может, здесь останусь, может, «на юга» подамся, да и другие варианты есть — хоть в Виго съездить, например, посмотреть, что там и как. Не решил еще, плыву по течению. Ну а в процессе раздумий почему бы не поискать место под зал? Вдруг надумаю осесть в Нью-Рино.

— Виталий Сергеевич?

Кому это я пона... ага. Какие люди — и на свободе. Полковник... э-э... Баскаков? Нет... Хреновая у меня на имена память. Булатов, точно. В легком светлом костюме и соломенной шляпе с широкими полями. Здесь многие так ходят, особенно из старшего поколения. И необходимая солидность соблюдена, и не слишком жарко.

— Здравствуйте, Марат Феликсович.

Товарищ полковник широко улыбнулся, демонстрируя радость от встречи. А вот у меня, честно говоря, как-то особой радости и нет. Да и вообще никакой нет, если уж совсем откровенно. Я из-за шпионских игр этих уродов лишился бизнеса и места в обществе. Вполне меня устраивающем обществе, между прочим.

— Вы не сильно спешите? Как насчет чашечки кофе?

Ну не убегать же от него, оглашая криками окрестности. Раз уж целого полковника прислали, значит, сильно хотят побеседовать.

— Да особо не спешу. Пойдемте на бульвар, я там хорошее место знаю.

— С удовольствием!

Э-хе-хех... Сказал бы я тебе... Ладно, посмотрим, что им надо.

В молчании доходим до французской кофейни-пекарни на Александра Второго. Интересно, а как вообще они на меня вышли? Либо кто-то из местной агентуры сообщил (но для этого надо было ориентировку разослать, или как уж там это правильно называется), либо через банк. Кредиткой я здесь пользовался, а предполагать, что у одного из самых мощных местных государств нет своих людей в Банке Ордена, было бы несколько наивно, пожалуй.

Располагаемся на улице, за маленьким круглым столиком под зонтиком веселенькой желтой расцветки. Я заказываю большую кружку капучино и пару булочек, Булатов ограничивается двойным эспрессо.

— Зря выпечку не взяли, она тут очень вкусная.

Чекист с легким огорчением разводит руками:

— Да я бы с радостью, но сладкое мне совсем не полезно. Врачи уже лет пять как запрещают категорически.

— Бывает...

— Увы. Как вы тут устроились, пока что?

— Нормально, спасибо.

Хотел поговорить — говори, а я тебе помогать не собираюсь. И вообще, так и подмывает послать на три буквы. Почему удерживаюсь? Ну а смысл? Это все равно что бить кулаком по каменному углу, о который головой ударился. Голове легче не станет, а вот кулак заболит. Здесь результат получится примерно тот же.

— Виталий Сергеевич, прежде всего от лица командования хочу выразить вам благодарность за проведенную операцию. Поверьте, вы сделали важное и правильное дело.

Официантка принесла поднос с кофе и выпечкой, избавив меня от необходимости отвечать. Ум... божественно пахнет! Жадно вгрызаюсь в еще теплую «улитку» с корицей. Надо еще заказать, что-то я проголодался. Или что-нибудь посущественнее взять?

— Девушка, принесите меню, пожалуйста.

Чекист, проводив взглядом официантку, возвращается к теме:

— За большой вклад в дело защиты Отечества, обеспечение государственной безопасности закрытым постановлением Центрального исполнительного комитета вы награждаетесь медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» второй степени с мечами.

Ну надо же. Будет вторая медаль, вдобавок к «За оборону Славянска». До чего же я героический — аж самому страшно. Главное, в родезийской полиции ее не засветить, а то не поймут, хе-хе. Хотя пошли они, жлобы... «За оборону Дурбана» так и не дали.

Булатов тем временем уже протягивает мне извлеченную из внутреннего кармана пиджака коробочку с прозрачным верхом. Что хоть за медаль-то... ага, серебряная, похоже, с красным крестом и гербом Новороссии, сверху мечи и красная лента... ну-ну.

— Спасибо.

Убираю в сумку. А? Да, так вот с сумкой для айпада и хожу до сих пор. Удобнейшая штука — хоть пистолет в нее прячь, хоть книгу, хоть медаль.

— Девушка! Мне два куса пирога с ветчиной, грибами и сыром, пожалуйста.

На лице товарища чекиста проскальзывает некая смесь разочарования с неодобрением. Ну а ты что ожидал, дядя? Что я встану и «Служу Отечеству!» закричу?

— Мы видели сигнал опасности для вашего связного. Вы не могли бы уточнить, что произошло?

Это такой вежливый вопрос, не сдрейфил ли я и не поставил ли сигнал в качестве «отстаньте от меня все», видимо.

— Мне его фото показывали в Си-Ай-Ди^[19] Кейптауна и спрашивали, какие у меня дела с новороссийским шпионом Юрием Самариным.

— И что вы ответили?

— Что заходил ко мне в зал пару раз моряк с новороссийского корабля, с которым мы выпили пива и немного поболтали, а больше мне о нем ничего не известно.

Булатов одобритительно кивнул:

— Правильно.

Спасибо, блин, за одобрение. Как бы я без него жил, даже и не знаю.

— ...не могли бы подробно рассказать, что именно произошло после операции?

— Зачем? Что было, то прошло.

— Поверьте, самые малозначительные на первый взгляд подробности могут оказаться весьма важными. Я все-таки больше тридцати лет в этом деле.

Послать его все-таки, может? Ладно, это всегда успеется. Рассказываю. Чекист внимательно слушает, иногда задавая уточняющие вопросы. Наконец, заканчиваю. Булатов молча сидит пару минут с задумчивым выражением лица. Я, пользуясь моментом, приканчиваю остатки пирога. Очень вкусно, кстати. Зря я тут сладкой выпечкой ограничивался.

— А за сколько зал продали, если не секрет?

Не спеша прожевываю, допиваю кофе и только после этого отвечаю:

— Секрет.

Собеседник чуть разочарованно морщится:

— Виталий Сергеевич, я понимаю, что вы огорчены тем, как все прошло...

Молча смотрю на него.

— ...но это неизбежные в нашем деле случайности. Да и финансово вы никак не пострадали, скорее наоборот — продали бизнес на пике, за максимальную цену...

Мое раздражение прорвалось наружу:

— Зачем задавать вопросы, на которые у вас есть ответы? Может, мне вас еще поблагодарить за эту подставу?

Булатов вновь напустил на себя тот самый вид доброго дедушки, взирающего на непутевого внука, что бесил меня еще в нашу первую встречу.

— О какой «подставе» идет речь?

— А вы не знаете?

— Нет.

— Тогда не вижу смысла в дальнейшем разговоре.

«Добрый дедушка» укоризненно нахмурился:

— Нет уж, сказали «а» — говорите и «б». Вы обвинили нас в некой «подставе». Объяснитесь, пожалуйста.

Пару секунд раздумываю, не стоит ли просто подняться и уйти, но в итоге решаю ответить. Наелся, лень вставать.

— Когда я соглашался вам помочь, то ставил условие — моя деятельность не должна быть направлена против интересов страны проживания. Вы с ним согласились. Когда Юра сказал, что нужно сделать, я уточнил — сотрудничает ли Умар с Родезией. Мне было сказано, что нет, а в итоге оказалось, что да. Значит, либо вы меня обманули, либо вы некомпетентны.

— Не совсем так. Я читал рапорт Самарина. Он ответил, что у него нет такой информации. И у него ее действительно не было, откуда? Человек работает на строго определенном участке.

— Но у вас была.

— У меня лично — нет, разумеется. Я вообще в Порто-Франко работаю, совсем по другим задачам, и ничего о вашей операции не слышал до недавнего времени.

— У вашей конторы.

— Конечно, Разведуправление было в курсе контактов Набтаба. Он давно находился в нашем поле зрения. Но такого рода информацию до исполнителей доводят только в том случае, если это необходимо для успеха операции. В данном случае необходимости не было.

— Вы нарушили наш договор.

Булатов поморщился:

— Виталий Сергеевич, разведка — это не бизнес и уж тем более — не детский сад. Единственное, что имеет значение — выполнение задачи. Ничьи чувства и «обидки» в расчет не принимаются. Задача выполнена, уничтожен опасный враг нашей страны и нашего народа. Вашего народа. И теперь делать губы бантиком — как-то по-детски, вам так не кажется?

— Нет.

Полковник с разочарованием развел руками:

— Ну, потом поймете, что я прав. Предлагаю перейти от дел минувших к текущим.

Ну понятно, не просто же так он приехал из Порто-Франко. Ладно, послушаем, авось что интересное услышим. Впрочем, кое-какие догадки насчет того, о чем пойдет речь, у меня есть.

— Какие у вас планы на будущее?

— Неопределенные.

— Ну варианты-то есть какие-нибудь?

— Конечно. В процессе рассмотрения.

Спрашивать: «Не поделитесь ли?» — Булатов не стал, видимо предчувствуя (и совершенно правильно), что ответом будет «нет».

— Интересуетесь этой затеей с колонией на Дальнем Юге, как я слышал?

Ага. Слышал он. Блин, сначала троцкисты, теперь эти... что им там всем, медом намазано, что ли?

— Интересуюсь.

— Собираетесь стать пайщиком.

— Один из вариантов.

Чекист удовлетворенно кивнул:

— Нам бы хотелось, чтобы вы это сделали.

— Вам-то зачем? За тридевять земель же...

Вообще, конечно, очень даже понятно зачем. Новороссы как бы не больше всех крупных игроков в местной песочнице заинтересованы в том, чтобы проект либо провалился, либо перешел под их контроль. Иначе, если там возникнет сколь-нибудь рабочая альтернатива их социализму, это сразу переключит часть переселенческого потока из-за ленточки на Дальний Юг. Да и из самой Новороссии недовольные потянутся...

Булатов не стал вилять и рассказывать сказки в духе: «Да так, из общего интереса».

— Потому что политическое разделение русского народа стало бы величайшей трагедией, которой надо избежать любыми средствами.

Ишь, какой. «Любыми средствами». Потроллить его немного, что ли?

— Хм... почему? Кому нравится социализм — едут к вам, кому капитализм — на юг. Оппозиции нет, все довольны. Страны далеко, пересечения интересов тоже нет. Идеальный выход, по-моему.

Новоросс печально вздохнул:

— Все несколько сложнее, чем вам представляется. Проект реализуется при поддержке Ордена. Негласной, да, но поддержке. Без этого Больших даже суда не смог бы найти. Вы в курсе, что единственная страховая компания, которая согласилась, — это американская «Эф-Эл-Ай-Си»? Основным ее акционером является Орден. Через подставных лиц, конечно. А без страховки ни один капитан в море не выйдет, особенно к черту на рога. И это только

страховка. А еще сам факт опубликования результатов экспедиции в столь короткий срок. Выдача разрешения на закупку и провоз тяжелого вооружения. Само по себе оружие не столь важно, но это ведь знак, что Орден воспринимает всю затею всерьез. Ни одна из прошлых «панам» до этой стадии не дошла, орденцы «изучали вопрос» до тех пор, пока организаторы аферы не скрывались с деньгами. Да, все это косвенные улики, но вместе они складываются в картинку...

Пожимаю плечами:

— Так какая разница-то? Ну помогли, допустим, орденские Глебу из каких-то там своих соображений. Как это отменяет аргументы «за», которые я уже приводил?

Собеседник цокнул языком:

— Вот то-то и оно, «из соображений». Не из любви же к русскому народу, с учетом того, кто там в Ордене заправляет. Согласны?

— Допустим. И?

— И то, что отношения у нас с Орденом довольно напряженные, мягко скажем. Только у англичан такие же, больше ни у кого. Причем если англичане поругались сравнительно недавно, года четыре назад, то с нами контры были всегда. И будут дальше. Англичане-то помирятся, вот увидите. Для Ордена они *свои*, просто сбившиеся с пути. А мы — *чужие*. И если Орден помогает в основании русской колонии на Дальнем Юге — значит, у них уже есть план, как нас между собой сравнить. В чем в чем, а в этом они мастера. Нельзя этого допускать!

Он чуть подался вперед, взволнованно схватившись за край столешницы. Ну или делая вид, что взволнованно.

— ...нельзя допустить, чтобы русские враждовали с русскими! А для этого нам нужны свои люди в колонии! И не просто источники информации, но и те, кто принимает решения! Хотя бы как канал связи!

Ну да. Как в солдатской поговорке: «Свежо питание, но... с трудом», ага. Нет, я вполне верю, что у Ордена есть какие-то идеи насчет колонии. Даже странно было бы обратное, прямо скажем. А «с трудом» — это я о чистоте помыслов товарищей чекистов. Знаю я эту породу — им везде нужны «свои кадры, с подписочкой». По-иному они просто не могут, физически не способны. Никакой свободы воли, только контроль и отчетность, хе-хе.

— Ну так в чем проблема? Дали своему агенту четверть ляма, он пришел к Глебу — тот его с распростертыми объятиями примет.

Булатов помотал головой:

— Нет, это не вариант. Дело даже не столько в деньгах, хотя и это важно, сколько в правдоподобии легенды. Больших не дурак, будет проверять прошлое желающих. У человека должна быть история, и из этой истории должно быть четко понятно — откуда деньги и почему их хозяину на месте не сидится. Вы в этом плане идеальный кандидат.

Хм... ну, пожалуй. Уж до истории с Набтабом Глеб точно вряд ли доберется. Если только ему кто-то из того же Ордена не подскажет. Хотя — маловероятно. И далеко не факт, что они вообще в курсе, и сама по себе история весьма мутная.

— Если вас эта затея так напрягает, почему же вы тогда Глеба не это... «того»?

«Любящий дедушка» усмехнулся на изреченную внуком глупость:

— У вас несколько превратное представление о нас. Глеб Больших — обычный, нормальный человек. Да, он заблуждается во многих вещах, на мой взгляд, но он не сознательный враг. Таких мы не «того», как вы выражаетесь.

Ну-ну. Нет, может, оно и так, конечно. А может, вы просто не хотите, чтобы колонию на Дальнем Юге основали какие-нибудь тайцы, потому как тогда-то вы управление ею точно не перехватите, а у вас амбиции играют. Впрочем, ладно, меня вот другая фраза заинтересовала.

— А что значит: «...не столько в деньгах»? Я надеюсь, вы мне не предлагаете самому пай оплачивать, из личных денег?

— Виталий Сергеевич, денег у вас после продажи бизнеса более чем достаточно.

А не пойти ли тебе...

— Не надо считать деньги в моем кармане. Я с этим как-нибудь сам справлюсь. Если я плачú, то и никакого сотрудничества с вами не будет. Еще чего не хватало, за свой счет ваши шпионские игры оплачивать.

Громко фыркаю со слегка наигранными иронией и возмущением. Не, ну а что? Если и правда они мне из своих фондов пай оплатят, совсем неплохо получится! Тогда можно и правда попробовать в Рокфеллеры выбиться, хе-хе...

Впрочем, товарищ полковник грубо обломал мои мечты, заявив, что об этом не может быть и речи. Правда, тут же закинул крючок — мол, если я таки соглашусь принести присягу и опогониться, тогда совсем другое дело — можно будет подать командованию предложение в выгодном свете, и, возможно...

— Марат Феликсович, вы меня совсем за дурака держите? Я стану вашим сотрудником, а потом вы разведете руками и скажете: «Извините, младший лейтенант Чернов, командование ваше предложение не утвердило. Кру-гом! На Дальний Юг шаго-о-ом марш!» А там уже рыбка задом не плывет, и никуда мне от вас не деться. Нет уж, спасибо. Хотите, чтоб я поехал на Юг и там с вами сотрудничал — не вопрос. Оплачиваете стоимость пая, и я готов. Не думаю, что двести пятьдесят тысяч — такая уж неподъемная сумма для вашего бюджета.

Собеседник попробовал сделать еще пару заходов, но безуспешно — я уперся. Ну а что? Какого хрена я должен на них бесплатно работать? Особенно после того, что они уже устроили в Кейптауне. А это была явная подстава, как бы меня тут сейчас пожилой чекист ни «лечил».

Наконец Булатов сдался. По крайней мере, на время.

— Ладно, Виталий Сергеевич, вы еще подумайте над всем, что я вам говорил. Я пока что буду в Нью-Рино, вот мой телефон. — Он протянул мне через стол маленькую бумажку. — Как решитесь — звоните. Ваш телефон тоже дайте, пожалуйста.

Ага, очень смешно.

— Я думаю, раз уж вы меня на улице отловили, то и мой номер для вас секретом не является. В крайнем случае — найдете, я в вас верю. Удачи.

— До свидания, — без малейшего раздражения кивнул полковник.

Оставив деньги на столе, встаю и выхожу на тротуар. Блин, мне только чекистов не хватало для полного счастья. В Кейптауне все обломали, сволочи, теперь тут пытаются. Нет уж, хрен им. «Сами-сами», ага. Включая финансовые вопросы. А вот с Глебом, наверное, имеет смысл поговорить еще раз...

Свободная территория Невада и Аризона, Нью-Рино, Лас-Вегас-Стрип, ночной клуб «Мулен Руж»

Что-то я перебрал с алкоголем. Еще и мешал всякое с разным... завтра буду «болеть», э-хе-хех. Ладно, завтра будет завтра, а пока что кабальеро отдыхает, и сеньорита тоже. Вообще-

то, строго говоря, она мадмуазель, а не сеньорита, ну да не важно. В конце концов, из меня самого кабальера, как... м-дя. Не очень, в общем.

— !..

Ичасо что-то сказала, но я не расслышал. Все-таки с громкостью музыки тут немного переборщили.

— Что?

Девушка подалась вперед и прокричала мне в ухо:

— Я говорю, очень чувственное представление! Я бы с ними не отказалась немного пошалить, ха-ха!

— Я бы тож... Ай! Провокаторша!

Ичасо невинно улыбнулась и запустила когти поглубже в мою руку. Правда, через пару секунд жарко поцеловала в губы. Не убирая когтей. Ведьма, говорю же.

На сцене трио из блондинки, негритянки и азиатки, облаченных только в перья (и то не слишком много), показывают что-то среднее между эротическим танцем и собственно сексом. Интересно, где они такую высокую азиатку взяли?

— Я в комнату для девочек!

— Так «девочки»-то еще на сце... Ай!

Ну вот что ты с ней будешь делать.

А? Да нет, ничего пока не решил. Живу, отдыхаю, трачу деньги помаленьку. Вообще, конечно, пора бы с этим заканчивать и как-то определяться, но пока не получается. Ладно, успеется.

Номер закончился, света в зале немножко добавилось, музыка стала потише, и почтенная публика потянулась на свободное место у сцены — танцевать. Вообще, неплохое заведение. Оформлено под то самое кабаре из одноименного фильма. Ну, смотрели, наверное.

Нахожу глазами возвращающуюся из дамской комнаты Ичасо как раз вовремя, чтобы увидеть, как к ней подкатывает какой-то хмырь. Судя по жестам, приглашает танцевать. Моя басконка (ну, условно моя, конечно, но все-таки) отрицательно машет головой, хмырь проявляет настойчивость, девушка пренебрежительно отмахивается и идет к нашему столику. А хмырь, что интересно, за ней. Ну-ну.

Ичасо садится, хмырь на секунду замирает, явно оценивая помеху в моем лице. Ну а я соответственно оцениваю его.

Неопределенный возраст, от тридцати до пятидесяти. Худая, угловатая физиономия, длинный острый нос, светлые волосы, длинные и прямые. Черные брюки, светлая рубашка с длинным рукавом, кобуры под ней не видно... ага, а левая кисть-то у него забита. Не могу отсюда понять, зоновскими партаками или просто татуировками, но вообще типаж типичного урки с просторов «одной шестой». Есть какая-то... дерганость, что ли.

Хмырь подошел вплотную к столику и на смеси жестов и ломаного английского («вонт дансинг виз ю»^[20], ага) пытается пригласить Ичасо на танец. Блин, ну это уже явная наглость.

— Уважаемый, девушка не хочет.

Хмырь радостно всплескивает руками. Ага, точно, партаки на руке.

— Братан, да не вопрос, че. Откуда сам? Я из Читы.

Упс. Зря я на русском ответил.

— Из Москвы.

На лице хмыря проскользнула непонятная гримаса.

— *Масква...* Че, мы тут с пацанами, тоже с дамами отдыхаем, вон там. — Он кивнул куда-то в сторону. Ага, вижу — столиков через пять-шесть от нас, у стены, в отдельной кабинке на диванах развалилось с полдюжины таких же, в рубашечках, и четыре «дамы» откровенно шалавистого вида.

— ...к нам, поговорим. Земляку всегда рады.

Ага. Твои «земляки» в овраге лошадь доедают.

— Давай в другой раз. Сегодня с девушкой вечер провожу.

— Так и даму с собой бери, че. Выпьем, обсудим, че-кавэ...

Вот же прикопался.

— Не, дружище, в другой раз.

— Ну смотри...

Хмырь кивнул на прощание и отчалил. Наконец-то.

Ичасо, до этого невозмутимо наблюдавшая за непонятной ей беседой, поинтересовалась:

— Что это за злой клоун?

С максимально беззаботной физиономией отмахиваюсь:

— Да вот именно что «злой клоун». Местный русский криминал. Звали присоединиться к их пьянке.

Басконка покачала головой:

— Не стоит. На редкость мерзкий тип, у него это на лбу написано.

Да уж сам заметил, хе-хе.

— Ну вот я и отказался.

— У тебя нет проблем с Рашенз?

— Нет, я с ними вообще не общался. Ладно, черт с ними, ни к чему на обсуждение этих уродов время тратить.

Девушка с готовностью кивнула:

— Правильно, время тратить мы не будем. Пойдем лучше танцевать!

Смущенно развожу руками:

— Танцор из меня неважный. Это если очень мягко говорить.

— Ну вот и потренируешься. Все равно придется — я танцевать люблю! Или я буду танцевать с кем-то другим...

Вот это она зря. Не знаю уж, у кого как, а у меня такого рода попытки пробудить ревность и «соревновательность» вызывают только раздражение и желание послать куда подальше. Впрочем, ладно, потанцую. Один хрен пьяный, ха-ха.

Под медленную музыку все шло достаточно неплохо (ну, на мой взгляд, не знаю уж, что там Ичасо по этому поводу думала), а вот когда мелодия сменилась на что-то быстро-ритмично-зажигательное, мои неловкие движения вызвали у партнерши сначала смех, а потом и раздражение. Причем, кажется, не шутивное, а самое натуральное. По крайней мере, насмешки стали весьма злыми и едкими, что, в свою очередь, вызвало злость уже у меня. Которую (не в последнюю очередь благодаря алкоголю) я не слишком усердно скрывал. Возвращаемся за столик недовольные друг другом.

— Знала бы, что ты такой неуклюжий, пошла бы с тем мобстером танцевать.

Короткий хохоток в конце фразы вроде как подразумевает шутку, но у меня настроение уже испорчено, да и количество выпитого не располагает к сдержанности.

— Ну так в чем проблема? Вон он сидит! — киваю в сторону блатной компании. Ичасо зло поджигает губы и встает. Блин, неужели и правда к ним пойдет? Сама же говорила, мерзкий тип...

Нет, опять скрылась в направлении дамской комнаты. Что-то я разнервничался, надо бы успокоиться. Блин, все с этого хмыря началось, разозлил меня...

А хмыря-то, кстати, уже и нет. По крайней мере, я его не вижу. Зато от их компании отделилось другое тело и направляется прямиком ко мне. Блин, этот еще отвратнее. Первый хоть впечатление какого-никакого авторитета производил, а тут явная сывка. Мелкий, тощий, вертлявый. Ну и чего ты ко мне прешься, уродец?

— Ауе, земля!

— Привет.

— Давай к нам, поговорим, че-кавэ...

Ё-мое, неужели с первого раза непонятно?

— Нет.

— Да ты че, братан? От сердца же предлагаем.

— Не, дружище, настроения нет сегодня.

— Че, пацанами брезгуешь, че ль?

Ясен пень, брезгую. Какой нормальный человек вами, уродами, не брезгует?

— Я же сказал, настроения нет. Со слухом плохо?

Вертлявый подался вперед, почти нависая надо мной. Глаза у него какие-то... странные. То ли обширялся, то ли с головой реальные проблемы.

— Че ты сказал?! Тебя пацаны как человека за стол приглашают, поговорить, а ты брезгуешь?! Ты кто такой вообще?!

Сука, да как же ты меня достал, ушлепок! Капли слюны, вылетевшие изо рта вертлявого вместе с криком и попавшие мне на руку, окончательно срывают планку.

— Иди на хер!

Подскакиваю, стул с грохотом отлетает в сторону. Урка, отскочивший было назад, резко подается обратно.

— Че ты сказал, падла?! Да я тебя!..

Рука вертлявого дергается ко мне, и я практически на автомате бью его в скулу. Удар выходит так себе — толчок, скорее, но противник падает на пол, опрокидывая при этом стул Ичасо. А вот и она, кстати, вернулась уже, стоит чуть поодаль и с ироничным удивлением наблюдает за разыгравшимся представлением.

Вертлявый, что-то истерически вереща, поднимается с пола, его дружки вскакивают с диванов и в хорошем темпе подбегают поближе, но тут появляется охрана заведения. Два... нет, уже три здоровенных мужика с короткими резиновыми дубинками в руках, кобуры на поясе, но оружие пока не достают... ага, четвертый стоит немного подальше, уже с пистолетом.

— Спокойствие, джентльмены! Все разошлись обратно по своим местам!

К некоторому моему удивлению, урки лезть в бочку не пытаются и спокойно возвращаются на место. Ну почти спокойно — «пострадавший» пару раз выкрикивает что-то в духе: «Да я тебя на куски порежу!»

Старший из охранников, спокойный блондин с кулаками размером в два моих каждый, поворачивается в нашу сторону:

— Сэр, я настоятельно рекомендую вам с девушкой покинуть заведение прямо сейчас.

Такси мы обеспечим и проследим, чтобы никто из этой компании вслед за вами не выскочил.

Ну, разумно. Киваю.

— Да, спасибо.

Ичасо с наигранно-восторженным выражением лица трижды хлопает в ладоши:

— Да уж. Кабальеро умеет сделать вечер интересным, ничего не скажешь.

Хочется ответить, в каком месте я видал ее остроумие, но усилием воли сдерживаюсь.

Пожалуй, демонстраций характера на сегодня хватит. Как бы с последствиями того, что уже надemonстрировал, разбираться не пришлось.

Свободная территория Невада и Аризона, Нью-Рино, Фримонт, Аракчеев-стрит

Ох ты ж, эпическая сила!

Резкое движение спросонья вызвало вспышку боли внутри черепа. Подождав несколько секунд, пока полегчает, уже куда осторожнее тянусь к надрывающемуся телефону. Какая сволочь звонит? Номер не определен...

— Да?

— Доброе утро. Выспался?

Блин, не пойму что-то, чей голос.

— Кто это?

— Не признал, что ли?

— Э... нет.

— Клим это. Вчера виделись, в кабаке.

Ничего не понимаю. Это который Ичасо хотел пригласить потанцевать, что ли? А откуда у него мой телефон? Черт, башка раскалывается.

— Ага, вспомнил.

— Ты близкого моего вчера при людях послал и по лицу ударил. Тоже помнишь? А он правильный пацан. Надо встретиться, обсудить, как решать будешь.

— Да нечего тут решать. Он сам полез вот и выхватил.

Сказал и понял — зря. Тут на базаре не съедешь.

— Шустрый тебя вежливо за стол пригласил, с людьми поговорить. Ты его оскорбил, ударил. Другие пацаны тоже видели, все так и было. В общем, что по телефону болтать? Приезжай, обсудим.

— Нечего мне с тобой обсуждать.

Голос в трубке сердитее не стал, наоборот: такое впечатление, что собеседника вся эта ситуация чем дальше, тем больше забавляет.

— Ну, не хочешь к нам приехать — мы к тебе сами заедем. Ты же на Аракчеева, так? Не прямо сейчас, не переживай. Часа через два. Умoeшьcя пока, позавтракаешь...

Суки, и адрес уже пробили! Да какое там «уже», понятно все...

— Не, я «болею» сегодня после вчерашнего. Давай завтра, в...

Лихорадочно думаю, где бы назначить встречу. Эту уроды явно действуют в русских районах. Хорошо бы их выдернуть куда-то за пределы «зоны комфорта», но далеко не поедут, скажут: «На фига в такую даль переться», — и не возразишь особо ничего. Значит, нужно во Фримонте, но в таком месте, откуда меня силой не увезешь.

— ...«Царской охоте», часов в пять.

Дорогой ресторан на бульваре Александра Второго, солидные люди собираются. Но именно солидные, а не *авторитетные* — офис шерифа наискосок через улицу. Не то чтоб это грозило им какими-то неприятностями, не те порядки в округе, но тем не менее блатные предпочитают другие места.

Клим хмыкнул с явной иронией.

— «Охота» так «Охота», не вопрос. Но в пять поздно, у меня дела еще вечером. К трем там будь.

— Хорошо.

— Ну, «лечись» тогда. До завтра.

Еще один ехидный смешок, и собеседник отключился.

Паскудство!

Со стоном принимаю сидячее положение. Блин, до чего же мне хреново-то... Пару секунд помучившись между дикой жаждой и не менее интенсивным желанием посетить туалет, делаю выбор в пользу второго.

Едва успев сделать дела, чувствую накатывающий приступ тошноты и поспешно склоняюсь над унитазом.

Бу-э-э!

Фуф... Вроде полегчало немного. Прохожу на кухню, достаю из холодильника литровую бутылку минералки и жадно присасываюсь. Чуть получше стало. Блин, кефира нет. Я им обычно с похмелья спасаюсь. Завтракать точно не буду, одна мысль о еде вызывает тошноту. Да и не до того: думать надо, а не жрать.

То, что это все не нелепая случайность, а целенаправленная подстава — однозначно, к гадалке не ходи. Кто-то этих ублюдков на меня навел. А вот кто...

В «Мулен Руж» я раньше не бывал. Место для приятного вечера выбирала Ичасо. И, кстати, ко мне она вчера ехать отказалась. Не то чтоб я сильно настаивал, впрочем. Ее рук дело? Возможно, но не факт. Мы еще вчера утром определились, что пойдем, я звонил со своего телефона, столик бронировал. Потом в такси звонил. Думаю, больших проблем получить доступ к чужому телефону тут не представляет. Не для всех, конечно, но если кто-то целенаправленно такими вещами занимается, технология у них должна быть отработана.

Пришли вчера эти твари до нас или после — не заметил. Хотя какая разница... Блин, что-то мне опять хреново, и даже очень.

Накатывает очередной приступ тошноты, приходится снова бежать в туалет.

Бу-э-э!

ТЬфу, гадость... Прополоскав рот, возвращаюсь обратно на кровать.

Какие еще варианты, кроме Ичасо? Ну, самый очевидный — Булатов. Разводка стара как мир — наехали бандиты, закошмарили, приходится обращаться к ментам (в данном случае к чекистам, но не суть), те бандитов отогнали, и вот ты уже должен им по гроб жизни. Да и, будем слегка циничными, товарищ полковник вполне мог просто-напросто захотеть слегка пополнить свой пенсионный фонд. «Социализм или смерть!» — оно хорошо, конечно, но только как кумачовый транспарант на стене. А в жизни возможны варианты...

Кто еще мог навести? Глеб? Хм... маловероятно, конечно, но возможно. Занимаясь строительным бизнесом в местечке типа Нью-Рино, общения с криминалом не избежать никак. Так что нужные знакомства у него точно есть. Зачем ему? Ну, во-первых, — деньги. Они лишними не бывают, как известно. Во-вторых, он может таким образом попытаться натолкнуть меня на решение, что оседать в Нью-Рино не стоит, а лучше присоединиться к нему. Натянуто, конечно, но возможно. Люди и не такие вещи отмачивают, как показывает практика. Меня вот как-то товарищ, с которым мы вместе огонь и воду прошли, чуть не отправил в места не столь отдаленные из-за каких-то вшивых десяти штук баксов. Он их так и так лишился в итоге, но и я потом больше ментам отдал, пока отмазывался, м-дя. Ладно, не время для ностальгии.

[Купить полную версию книги](#)

«Старые деньги» (от *англ.* old money) — термин, употребляемый (преимущественно, хотя и не только) в США для обозначения социального слоя, в котором богатство передается из поколения в поколение, и представители которого де-факто являются аналогом старинной европейской аристократии. — *Здесь и далее примеч. авт.*

Туле (*англ.* Thule) — авиабаза США на северо-западе Гренландии, известна своими крайне суровыми погодными условиями.

Дождевая тень — регион с относительно низким количеством атмосферных осадков по сравнению с окружающей местностью, находящийся на подветренной стороне горного хребта, который задерживает продвижение дождевых облаков, как бы отбрасывая «сухую тень».

«**Siba Ships**» — итальянская компания, владеющая флотом крупнейших в мире судов-скотовозов. Основное направление перевозок — из Австралии и Новой Зеландии на Ближний Восток и в Юго-Восточную Азию.

Гомстед (*англ.* homestead) — фермерский участок-усадьба, земельный надел из фонда свободных земель. При освоении Дикого Запада в США стандартный гомстед составлял 160 акров.

640 акров равны 1 квадратной миле, или 2,6 квадратного километра. Это размер крупной семейной фермы в сегодняшних США или Канаде, например.

Привет! (исп.)

Окситания — название исторической области на юге Франции и небольшой части Испании и Италии. В основном соответствует южной половине Франции.

Густое рагу из мяса, фасоли и зелени. Готовится в специальном традиционном горшочке — касалетке.

Овощное блюдо из перца, баклажанов, помидоров, чеснока, лука и кабачков.

Салат из свежих овощей, вареных яиц, анчоусов и оливкового масла (также добавляется лимонный сок или винный уксус).

Слово «панама» стало нарицательным после банкротства в 1889 году Всеобщей компании Панамского межокеанского канала, от которого пострадали свыше 700 тысяч вкладчиков.

Марксистский объединенный революционный фронт — конгломерат различных левых партий и группировок Новой Земли; диапазон участников — от леволиберальной интеллигенции до «хардкорных» боевиков-неотроцкистов и маоистов.

.338 Lapua Magnum — финский снайперский патрон 8,6×70 мм для стрельбы на большие дистанции, широко используется также охотниками и стрелками-спортсменами.

.300 Remington Ultra Magnum — американский винтовочный патрон 7,62×72 мм, один из наиболее мощных среди всех боеприпасов калибра 7–8 мм.

Кабальеро (*исп.* caballero, букв. «всадник», от caballo — лошадь) — аналог «джентльмена».

«Акулу съели, но зубы остались» (*исп.*).

Испанская тортилья — омлет на оливковом масле из куриных яиц с картофелем, кукурузой, помидорами, сладким перцем, зеленью, репчатым луком и чесноком.

Criminal Investigation Division — Отдел криминальных расследований (*англ.*).

Что-то вроде «хотеть танцевать с тобой».